

Свящ. Г. Полянскій.

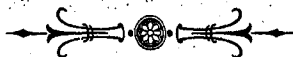
20 — $\frac{3}{250}$

СТАРООБРЯДЦЫ

НАРОДНОЕ
КАНЦЕЛЪРСКОЕ
ДВЕРИЦКОЕ

И

ВЫСОЧАЙШІЙ указъ 17 апрѣля 1905 г.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

1905.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

5913-06

Отдельный оттиск изъ „Московск. Церков. Вѣдом.“ 1905 г. № 20-й.

Печатать разрешается. Москва, мая 14 дня, 1905 года.

Цензоръ Протоіерей *Н. Изепковъ.*

Центральный научно-исследовательский фонд
при о. д. для комплектования
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

2005366060

ЭБ

I.

Поздравленіе старообрядцевъ съ Высочайшею милостію.

Въ пятницу, на пасхальной недѣлѣ, передъ бесѣдой со старообрядцами въ церкви села Осташева, Бронницкаго уѣзда, я обратился къ слушателямъ съ такою рѣчью.

«Христосъ воскресе! Поздравляю всѣхъ васъ, братіе— и православные и старообрядцы, съ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи, а васъ, братіе-старообрядцы, сверхъ того еще поздравляю и съ милостію, которую даровалъ вамъ Благочестивѣйшій Государь указомъ Правительствующему Сенату 17-апрѣля, въ первый день настоящаго радостнаго праздника. Эта Царская милость есть какъ-бы красное яичко, которымъ Государь похристосовался съ вами. И я увѣренъ, что и вы глубоко тронуты этою Его милостію. Царь, общій отецъ всѣхъ насъ, Своихъ вѣрныхъ подданныхъ, хочетъ, чтобы каждый изъ насъ имѣлъ полную свободу вѣровать и молиться такъ, какъ велитъ ему его совѣсть. И вотъ Онъ даетъ обезпеченіе этой свободы вѣры и молитвы магометанамъ, сектантамъ (вромѣ изувѣровъ) и вамъ старообрядцамъ. Самъ же Государь, по завѣтамъ своихъ предковъ, содержитъ и хранитъ святую православную вѣру и принадлежитъ къ святой православной Церкви и въ общеніи съ нею почерпаетъ для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ. Но, будучи Самъ право-

славнымъ, Онъ не удерживаетъ насильно въ истинной вѣрѣ и въ истинной Церкви тѣхъ, кто не хочетъ оставаться въ нихъ: если кто не вѣруетъ по православному, зачѣмъ ему и числиться въ православной Церкви? Пусть идетъ, куда хочетъ. Ни обратитъ въ истинную вѣру, ни удержать въ ней—никого нельзя неволей. Православная вѣра,—истину говоритъ Государь,—порождается въ человѣкѣ, какъ и поддерживается въ немъ, благодатию Господней, поученіемъ, кротостію и добрымъ примѣромъ. Будемъ же, православные, жить и вести себя такъ, что бы и неправославные, глядя на насъ, какъ на сіяющія свѣтила, вышли изъ тьмы своихъ заблужденій въ чудный свѣтъ православія и присоединились ко святой Церкви. Будемъ привлекать ихъ ко святой Церкви всѣмъ своей праведною жизнію, и кто можетъ, и словомъ истины, поученіемъ, душеполезными бесѣдами. Всего же будемъ ждать не отъ насъ, не отъ нашихъ дѣлъ и словъ, а отъ всемогущей благодати Господней которая знаетъ, кого и когда призвать ко спасенію, чрезъ истинную вѣру въ истинной Церкви.

На самую милость Свою, даруемую какъ вовсе не знающимъ святой вѣры, такъ и отпадшимъ и отпадающимъ отъ нея, Царь смотритъ, какъ на дѣло мира и любви, и уповаетъ, что чрезъ нее еще больше, чѣмъ прежде, возвеличится наша православная вѣра. Дай же, Боже, чтобы сбылись и оправдались эти надежды нашего Государя и чтобы и вы, старообрядцы, а равно и всѣ, получившіе одновременно съ вами Его милость, такъ и поняли и такъ оцѣнили ее, какъ разумѣть ее Онъ Самъ, нашъ любвеобильный и миролюбивый Государь. Будемъ же всѣ молиться вмѣстѣ съ Нимъ, чтобы Всевышній благословилъ это Его дѣло—мира и любви, предпринятое Имъ во благо народа Своего и во славу святой вѣры и Церкви.

Еще яснѣе, чѣмъ въ этомъ указѣ, желаніе сердца Царя выразилось въ той телеграммѣ, которою Онъ повелѣлъ Московскому генераль-губернатору распечатать

алтари въ часовнѣ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, Въ этой телеграммѣ есть такія слова о старообрядцахъ: «да благословить и умудритъ ихъ Господь съ полною искренностію пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ русской православной Церкви воссоединить ихъ съ собою и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь». Вникните, братіе-старообрядцы, въ эту молитву за васъ милостиваго къ вамъ Государя. Самъ — сынъ православной церкви, исповѣдающій предъ цѣлымъ свѣтомъ Свою вѣру въ нее, Онъ ничего такъ не желаетъ для васъ, какъ воссоединенія съ нею. Церковь давно старается примирить васъ съ собою: вѣдь вы нѣкогда были ея чадами, составляли одну семью съ нами — православными, а потомъ, уже болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ, ушли изъ ея материнскаго дома и теперь живете врозь, въ расколѣ съ нами, да и между собою не хватило у васъ мудрости сохранить единомысліе, къ миру и единству Христову зоветь васъ Его святая Церковь. Много заботъ для сего употребляла и употребляетъ она, въ числѣ ихъ и наши миссіонерскія бесѣды, но еще далеко не достигла своей цѣли, и вотъ она намѣрена соборнѣ заняться этимъ великимъ дѣломъ воссоединенія съ собою отторгнувшихся отъ нея чадъ. Святѣйшій Синодъ просилъ Государя для многихъ церковныхъ нуждъ собрать соборъ, и Государь обѣщалъ исполнить эту просьбу, лишь только пройдетъ настоящее тревожное время. Объ этомъ-то обѣщанномъ Имъ соборѣ и упоминаетъ Государь въ Своей телеграммѣ. Онъ говоритъ, что рознь нашу съ вами можетъ прекратить только Церковь и значить — только въ ней единой, а не въ многочисленныхъ и враждующихъ между собою вашихъ толкахъ, заключается возможность и источникъ желаннаго нашего мира и единства.

Конечно, многіе помнятъ, что уже и раньше Государь высказывалъ Свое пожеланіе о соединеніи старообрядцевъ съ Церковію. Когда заграничные старообрядцы

поздравляли Его со священнымъ коронованіемъ, тогда Онъ отвѣтилъ имъ черезъ Своего министра благодарностию за поздравленіе и при этомъ выразилъ свою глубокую скорбь о томъ, что они, русскіе люди, находятся въ религіозномъ раздѣленіи со всѣми остальнымъ русскимъ народомъ и доселѣ не желаютъ присоединенія къ православной Церкви, несмотря даже на то, что она благословляетъ и разрѣшаетъ соединяющимся съ нею употребленіе святыхъ старыхъ обрядовъ. И вотъ теперь, давая свободу вѣры, Государь опять высказываетъ свое задушевное и сердечное желаніе и молитъ Господа, чтобы Онъ благословилъ и вразумилъ васъ, старообрядцы, на дѣло воссоединенія со святою православною Церковію. Господи! услыши молитвы Царя, а вмѣстѣ съ Его и наши молитвы и соедини всѣхъ насъ во едино стадо Твоихъ словесныхъ и разумныхъ овецъ, во едину Твою Церковь.

Сейчасъ приступимъ къ поученію, или къ бесѣдѣ, въ надеждѣ, что она послужитъ средствомъ къ привлеченію отпадшихъ отъ единства вѣры и Церкви. Но раньше самой бесѣды, помолимся Царю небесному за нашего земнаго Царя, чтобы Онъ сохранилъ Его на многая лѣта».

И, по моему предложенію, слушатели отъ избытка сердца проѣли девятикратное многолѣтіе, — только одинъ старообрядецъ прокричалъ: «мы за своего Государя уже молились въ моленныхъ...» Что онъ хотѣлъ сказать этимъ страннымъ и неприятнымъ выкрикомъ? Навѣрное то, что не хочетъ молиться въ храмѣ вмѣстѣ съ православными, которыхъ считаетъ за еретиковъ...

II.

Смыслъ указа.

Опредѣленно и ясно въ самомъ началѣ указа выражена цѣль его изданія. Государь всегда имѣлъ сердечное стремленіе обезпечить каждому изъ своихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по повелѣніямъ его совѣсти, посему въ число намѣченныхъ въ указѣ 12 декабря 1904 г. преобразованій и включилъ Онъ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи. Комитетъ Министровъ, во исполненіе этой Высочайшей воли, составилъ положенія. Государь нашелъ ихъ отвѣчающими завѣтному своему желанію укрѣпить начала вѣротерпимости, начертанныя въ основныхъ законахъ имперіи, и утвердилъ эти положенія, о чемъ и возвѣстилъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 17 апрѣля 1905 г. Отнынѣ, по силѣ сего указа, нѣтъ болѣе стѣсненій въ дѣлѣ вѣры, и всякій Русскій подданный можетъ свободно содержать то вѣрованіе, какое считаетъ истиннымъ.

Но какъ не ясно выражена въ указѣ мысль о вѣротерпимости и свободѣ вѣрованій, между старообрядцами появились странныя толкованія этого указа, вовсе несогласныя съ дѣйствительнымъ его смысломъ.

Я слышалъ два такихъ до противоположности разныхъ и одинаково невѣрныхъ толкованія. Одни старообрядцы говорили: Царь хочетъ всѣхъ насъ перевести въ церковную вѣру, т. е. въ православіе. Даже такое дѣйствіе, какъ распечаніе алтарей Рогожскаго кладбища, совпавшее по времени съ появленіемъ указа, было понято нѣкоторыми старообрядцами, какъ предвѣстіе присоединенія всѣхъ старообрядцевъ, по царскому повелѣнію, къ православной Церкви. Одна старая женщина, помнящая еще запечатаніе этихъ алта-

рей, а теперь видѣвшая своими же глазами ихъ распечатаніе, передавала, что по поводу этого распечатанія между ними, старообрядцами, идетъ такой разговоръ: «Сначала Царь распечаталъ алтари, а потомъ придетъ своихъ священниковъ. Молитесь, скажете, какъ молились, по старымъ книгамъ; но примите законныхъ священниковъ на мѣсто служащихъ теперь у васъ мужиковъ въ ризахъ». И это говорилось уже послѣ того, какъ былъ опубликованъ Высочайшій указъ. Что въ немъ могло подать поводъ къ этому ожиданію введенія единовѣрія по царскому распоряженію? Даже въ телеграммѣ, каковою повелѣвалось распечатать алтари, нѣтъ никакого намека на принужденіе старообрядцевъ къ Церкви. Въ ней только выражены желаніе и молитвы Царя, чтобы Господь врезумилъ ихъ съ полною искренностію пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ православной Церкви воссоединить ихъ съ собою. Указъ же ясно и опредѣленно разрѣшаетъ каждому быть въ той вѣрѣ, какую онъ хочетъ держать, и старообрядцы получаютъ по нему нѣкоторыя новыя права, какихъ не имѣли они раньше.

Другіе старообрядцы толкуютъ указъ такъ: Царь призналъ, что истинная вѣра не въ Церкви, а въ старообрядствѣ, и скоро во всѣхъ церквахъ станутъ служить по старому, какъ въ моленныхъ. При такомъ пониманіи совершенно забывается, что въ моленныхъ не одинаково служатъ, потому что не одинаково вѣруютъ; ибо въ старообрядствѣ кромѣ бѣглоповщины и австрійщины есть еще безпоповщина; все вниманіе обращается только на книги старопечатныя, какъ содержащія истинную вѣру, по сравненіи съ которыми книги новопечатныя признаются исполненными поврежденій и ересей, въ чемъ будто бы теперь убѣдился и Царь и всѣ православные архіереи, которые теперь будто бы и оставляютъ службу по этимъ новымъ книгамъ и введутъ во всѣхъ церквахъ опять книги старопечатныя... Какъ однако въ царскомъ указѣ могли вычитать мысль

о какой-либо неправотѣ православной Церкви и ея богослужебныхъ книгъ и какъ такую мысль можно было приписать Царю, когда Онъ въ этомъ же указѣ торжественно исповѣдалъ свою вѣру во святую православную Церковь, въ постоянномъ общеніи съ которой, по завѣтамъ своихъ предковъ, онъ черпаетъ отраду и обновленіе силъ душевныхъ, и выразилъ упованіе, что дарованіе имъ правъ иновѣрцамъ и инославнымъ, старообрядцамъ и сектантамъ, послужить къ вѣщему возвеличенію именно православной вѣры, хранимой и проповѣдуемой православною Церковію?

Конечно, никакихъ оснований ни для того, ни для другого изъ этихъ до противоположности разныхъ и странныхъ толкованій указъ Государя не даетъ. Возникновеніе этихъ и подобныхъ имъ невѣрныхъ толкованій объясняется недавностію появленія указа, по причинѣ которой масса старообрядцевъ еще не успѣла, какъ надо, ознакомиться съ его содержаніемъ и значительной темнотою этой массы, по которой она не способна скоро уразумѣть даже ясно изложенныхъ мыслей. Но по времени, вчитавшись и вдумавшись, поймутъ наконецъ всѣ надлежащій смыслъ указа и увидятъ, что въ немъ нѣтъ предписанія ни старообрядцамъ переходить въ православіе, ни православнымъ въ расколъ, нѣтъ признанія православія за ересь и раскола за православіе, но есть только то, что написано въ немъ, а именно: предоставленіе каждому русскому подданному свободы вѣровать и молиться такъ, какъ велитъ ему его совѣсть. Посему, хочешь ты, старообрядецъ, быть въ своемъ теперешнемъ положеніи, оставайся: никто тебѣ не помѣшаетъ жить въ твоей вѣрѣ, никто не посмѣетъ принуждать тебя принимать другую какую-либо вѣру; не хочешь, можешь принять православіе, или еще какое-либо христіанское исповѣданіе. Равно и ты, православный, свободенъ или пребывать въ православіи, или перейти изъ него въ другое какое-либо христіанское вѣроученіе: никто тебя удержать отъ тво-

его намѣренія насильно, или судомъ не смѣеть. Въ дѣлѣ вѣры никто не стоитъ теперь судіей надъ Русскимъ подданнымъ: вѣруй такъ, какъ велитъ тебѣ твоя совѣсть, а Судья ей—одинъ Богъ. Вотъ смыслъ указа 17 апрѣля 1905 года.

Говорять, было бы лучше, если бы указъ предотвратилъ всякія его перетолкованія со стороны старообрядцевъ и прочихъ неправославныхъ; въ немъ должно быть прямо выражено, что Государь признаетъ единственно истинной вѣрой вѣру православной Церкви и желаетъ, чтобы всѣ его подданные были вмѣстѣ съ нимъ въ этой вѣрѣ и въ этой Церкви, а пребываніе внѣ православной Церкви Онъ, Государь, считаетъ заблужденіемъ и погибелью, хотя и не неволитъ никого изъ неправославныхъ присоединяться къ этой Церкви и не запрещаетъ никому изъ православныхъ переходить въ ту вѣру, какую кто по своему считаетъ истинной. Лица, высказывающія такія сѣтованія относительно слово-выраженій указа, забываютъ двѣ простыхъ мысли: во-первыхъ, по существу дѣла указъ содержитъ то самое, что видѣть въ немъ имъ желательно, т. е. признаніе за истинную вѣру и Церковь, вѣру и Церковь православныя, а во-вторыхъ, Государь въ указѣ говоритъ не какъ проповѣдникъ или миссіонеръ православной Церкви, а именно какъ Государь разновѣрныхъ своихъ подданныхъ, и его указъ не есть проповѣдь или миссіонерская рѣчь къ заблудшимъ, но именно указъ, т. е. распоряженіе, данное Правительствующему Сенату относительно религіозныхъ правъ въ Россійскомъ государствѣ неправославныхъ и отпадшихъ отъ православія его подданныхъ, и вполнѣ понятно, что въ этомъ чисто государственномъ актѣ иной языкъ, чѣмъ въ проповѣди.

III.

*Опредѣляемое указомъ положеніе старообрядцевъ
въ государствѣ.*

Въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ, предшествовавшихъ по времени указу, о положеніи старообрядчества въ Россіи говорилось такъ и въ такихъ чертахъ, что можно было подумать, что это старообрядчество въ Россіи совершенно безправно въ религіозномъ отношеніи, а пожалуй даже тѣсно и гонимо. Вообразить только, что могли подумать о насъ, о нашемъ государствѣ иностранцы! Да и нѣкоторые Русскіе люди, лично незнакомые съ жизнью старообрядцевъ, а зная о нихъ по газетнымъ толкамъ, до крайности удивляются, слыша напримѣръ, что у старообрядцевъ поповцевъ и до указа совершались обѣдни. Такіе люди думаютъ, что старообрядцамъ доселѣ, до указа, все было запрещено и только теперь они получили свободу вѣровать и молиться. А отъ нѣкоторыхъ старообрядцевъ, которые конечно знали хорошо свои права и положеніе до указа, но были недовольны нѣкоторыми ограниченіями, приходилось слышать, что теперь, послѣ указа имъ все стало можно, потому что будто рѣшительно всѣ прежнія запрещенія отмѣнены. Въ Егорьевскѣ 11 мая старообрядцы, при несеніи своего покойника, пѣли, идя по улицѣ, тогда какъ раньше, до указа, не позволяли себѣ подобнаго пѣнія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гуслиць старообрядческіе попы по улицамъ и полямъ ходили уже въ ризахъ и съ крестнымъ ходомъ, а въ сельцѣ Богородскомъ и нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ чуть не мгновенно послѣ указа соорудились колокольни и съ нихъ загудѣли колокола, потому что, объясняютъ, теперь полная свобода! Правильно ли такое мнѣніе, что до указа старообрядцы не имѣли никакой свободы, а

послѣ указа получили ее вполнѣ и уравнились совершенно съ православными? Интересно уяснить, что собственно новаго даровалъ старообрядцамъ этотъ указъ.

1. Начнемъ съ самаго главнаго—съ свободы вѣрованія. Можно ли было въ Россіи до указа быть старообрядцемъ? Не запрещалось ли самое содержаніе старообрядческаго ученія? Не казнило ль государство своего члена за то только, что онъ не православный, а раскольникъ? Кажется, эти вопросы излишни. Нетерпимость по отношенію къ раскольникамъ узаконялась указомъ правительницы Софьи Алексѣевны 1685 года, но этотъ указъ вскорѣ былъ отмѣненъ Петромъ I. Время этой кратковременной нетерпимости миновалось задолго до 17 апрѣля 1905 г. и раскольники не преслѣдовались за свою вѣру. Свобода вѣрованія не была дарована старообрядцамъ этимъ указомъ: они пользовались ею и до указа.

Даровалъ ли указъ старообрядцамъ свободу богослуженія по ихъ обрядамъ? И опять отвѣтъ подобный: эта свобода была ихъ достояніемъ еще раньше указа. Въ главнѣйшемъ изъ законовъ, опредѣлявшихъ доселѣ положеніе старообрядцевъ въ государствѣ, именно въ майскомъ законѣ 1883 г., прямо сказано (п. 5), что «раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженія по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ».

Итакъ, самое главное, вѣрвать и молиться по своему старообрядцы могли и имѣли законное право въ Русскомъ государствѣ и до указа 17 апрѣля. По основнымъ законамъ государства, всѣ, не принадлежащіе къ господствующей Церкви его подданные, а также иностранцы, состоящіе въ російской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (ст. 44). Свобода вѣры

присвоается не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ «да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи» (ст. 45) ¹⁾. Начала вѣротерпимости, какъ сказано и въ указѣ, начертаны въ этихъ основныхъ законахъ нашего государства, и указъ не имѣлъ и не могъ имѣть цѣлю ввести ее, какъ нѣчто новое, онъ только долженъ былъ укрѣпить эти начала.

Но какъ же алтари на Рогожскомъ кладбищѣ были до самаго указа запечатаны, какъ же въ самомъ указѣ повелѣвается (п. 12) распечатать всѣ молитвенные дома, закрытые какъ въ административномъ порядкѣ, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, значить, не было же у старообрядцевъ свободы богослуженія, когда молитвенные дома и алтари ихъ были запечатаны? Необходимо знать причину этихъ запечатаній.

При терпимости къ вѣрованіямъ раскольниковъ, при дозволеніи имъ совершать общественную молитву, исполнять духовныя требы и богослуженія по ихъ обрядамъ, законъ позволялъ, конечно, имѣть и мѣста для этого богослуженія. Такими мѣстами, гдѣ безпрепятственно оно совершалось, кромѣ частныхъ домовъ, были «часовни» и другія «молитвенныя зданія», «особо предназначенныя» для сей цѣли (п. 5—8 закона 1883 г.), въ числѣ ихъ даже и церкви, построенныя до 17 сентября 1826 г. Относительно молитвенныхъ раскольническихъ домовъ установлены были въ законѣ извѣстныя правила, на исправленіе старыхъ, на заведеніе новыхъ требовалось надлежащее разрѣшеніе. Съ 1883 г. по 1904 г. министерство внутреннихъ дѣлъ дало разрѣшеніе на устройство 283 молитвенныхъ зданій, како-

---

¹⁾ Ссылка на основные законы имперіи сдѣлана по извлеченію изъ особаго журнала комитета министровъ 25 янв., 1, 8 и 15 февр. 1905 г. Изъ этого же Извлеченія заимствуются и нѣкоторыя другія свѣдѣнія.

вое число, по замѣчанію комитета министровъ, для 20-лѣтняго періода, когда дѣйствовалъ законъ 1883 г., должно быть признано весьма незначительнымъ, принявъ во вниманіе естественный приростъ раскольническаго населенія за этотъ періодъ. Но на самомъ дѣлѣ конечно за этотъ періодъ моленныхъ было построено гораздо больше. Старообрядцы, по нѣкоторымъ причинамъ, предпочитали доселѣ строить моленные самовольно. И такихъ моленныхъ вездѣ у старообрядцевъ больше, чѣмъ построенныхъ съ надлежащаго разрѣшенія. Этою-то самовольностію построенія, которая была нарушеніемъ существовавшаго закона, и объясняетъ Комитетъ министровъ то, что тагъ построенныя моленные закрывались административнымъ порядкомъ, или по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ. (Нѣтъ сомнѣнія, что и православный храмъ былъ бы закрытъ и запечатанъ, если бы его устроили безъ соблюденія установленныхъ въ государствѣ законовъ относительно постройки такихъ храмовъ). Итакъ, у старообрядцевъ и до указа 17 апрѣля для совершенія богослуженія были не только домовыя моленные, но и особыя молитвенныя зданія. Если же нѣкоторыя изъ этихъ зданій были закрыты, то они были закрыты не потому, что законъ вообще не разрѣшалъ старообрядцамъ имѣть такия зданія, — законъ разрѣшалъ, — а потому, что закрытыя молитвенныя зданія были устроены старообрядцами безъ соблюденія требованій закона, безъ правительственнаго разрѣшенія, самовольно. Теперь, указомъ 17 апрѣля, эти незаконно и самовольно устроенныя, а потому и запечатанныя моленные велѣно распечатать, т. е. Государь милостиво простилъ старообрядцамъ ихъ преступленіе, нарушеніе ими государственнаго закона объ ихъ моленныхъ и уравнялъ эти ихъ моленные съ такими, какія были устроены согласно закону и никогда не были запечатываемы.

Что же касается Рогожскихъ часовень, то онѣ доселѣ занимали оригинальное положеніе въ ряду другихъ молитвенныхъ старообрядческихъ зданій, разрѣшенныхъ,

или даже только терпимыхъ правительствомъ: во всѣхъ другихъ моленныхъ, какъ и въ частныхъ даже домахъ, старообрядцы-поповцы имѣли право совершать и совершали на самомъ дѣлѣ не только всѣ прочія богослуженія, но и обѣдни, а въ Рогожскихъ часовняхъ обѣденъ имъ нельзя было совершать: алтари были запечатаны, хотя самыя часовни никогда не запечатывались и въ нихъ совершались всѣ прочія службы. Какъ это произошло? Результатомъ выполненія распоряженій императора Николая I относительно бѣглыхъ поповъ было то, что къ 1853 г. на Рогожскомъ осталось только два такихъ попа. Одинъ изъ этихъ поповъ (Иванъ Матвѣичъ Ястребовъ) умеръ въ томъ же году, а другой (Петръ Ефимовичъ Русановъ) въ слѣдующемъ присоединился къ церкви. Кладбище осталось безъ поповъ и уставная служба прекратилась; раскольники приходили въ часовни, молились предъ алтарями, но про себя, безъ чтенія и пѣнія. Но 21 января 1856 года служба торжественно возобновилась, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, но безъ воли Государя. Существовавшій въ то время секретный комитетъ, по волѣ Государя, разсмотрѣлъ это дѣло и рѣшилъ: «запечатать алтари, какъ вовсе излишніе безъ священниковъ и недоступные для мірянъ...» 20 іюня 1856 года на этомъ постановленіи Государь Александръ II собственноручно начерталъ: «Исполнить, тѣмъ болѣе, что такъ какъ на Рогожскомъ кладбищѣ священниковъ нѣтъ и не должны быть допускаемы, если не присоединятся къ православію или единовѣрію, то и алтари для службы не нужны». Эта высочайшая воля относительно Рогожскаго кладбища и была выполнена: алтари были запечатаны, доступъ раскольническимъ попамъ на кладбище былъ возбраненъ. Между тѣмъ австрійское священство, едва прозябавшее дотолѣ, въ царствованіе Александра же II широко распространилось по Россіи, и попы и архіереи свободно жили и служили не только повсемѣстно, но и въ самой Москвѣ, но на Рогожскомъ

кладбищѣ они однако не смѣли открыто появляться, — слишкомъ внушительна была царская резолюція, да и печати много говорили. Но вотъ совершилось страшное событіе 1 марта 1881 г. Для привода къ присягѣ новому Государя рогожцы выхлопотали у Московскаго начальства разрѣшеніе привести на Рогожское своего попа. Разрѣшеніемъ, даннымъ на сей единственный случай, они воспользовались, чтобы совсѣмъ водворить здѣсь своихъ поповъ. Такъ была нарушена рѣшительная воля Императора Александра II, что раскольническіе попы не должны быть допускаемы на Рогожскомъ. Опять началась здѣсь поповская служба, но алтари были подъ печатями и потому обѣдни не служились. Но это было не послѣдовательно и вскорѣ за однимъ нарушеніемъ царской воли послѣдовало и другое: къ запечатанному алтарю главной моленной на солеѣ пристроили новый алтарь и началось совершеніе литургіи. И такъ продолжалось не одинъ годъ; наконецъ, правительство, не стерпѣвъ такого глумленія надъ волѣй Императора, хотя и умершаго, заставило рогожцевъ убрать съ солеи придѣланный ими алтарь. Но оно не удалило однако съ кладбища поповъ, о которыхъ въ резолюціи Императора прямо было сказано, что они не должны быть допускаемы, почему и самые алтари безъ нихъ для службы не нужны. Такъ и сложился на Рогожскомъ тотъ оригинальный порядокъ, который преобразенъ 16 апр. сего года: моленные были открыты, но алтари въ нихъ запечатаны, и попы служили всѣ службы, кромѣ литургіи²⁾. Запечатаніе Рогожскихъ алтарей, совершенное по волѣ Александра II и имѣвшее историческую связь съ мѣропріятіями Николая I противъ бѣглыхъ поповъ и вообще противъ раскола, съ прекращеніемъ дѣйствія этихъ мѣропріятій стало въ противорѣчіе съ дѣйствующимъ закономъ о свободѣ

²⁾ Подробная исторія запечатанія Рогожскихъ алтарей изложена во II т. Братскаго Слова за 1891 г. въ статьѣ Н. И. Субботина подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи Рогожскаго кладбища“, изданной отдѣльною книжкою.

старообрядцевъ совершать общественное богослуженіе не только въ молевныхъ, но и въ частныхъ домахъ, потому что отношеніе правительства къ расколу за 50 почти лѣтъ послѣ этого запечатанія значительно измѣнилось не только практически, но законодательно: изданы были законы 1874 и 1883 годовъ, а въ 1894 году и относительно самихъ бѣглыхъ поповъ вышелъ министерскій циркуляръ, снова разрѣшавшій ихъ существованіе, какъ оно было разрѣшено до строгихъ мѣръ противъ нихъ Николая I. Вездѣ все старообрядцамъ было позволено и разрѣшено: только алтари на Рогожскомъ стояли запечатанными. Уваженіе къ памяти запечатавшаго не позволяло правительству исполнить многократныя просьбы австрійцевъ о распечатаніи. Но противорѣчіе Рогожскаго порядка дѣйствовавшему закону было очевидно, но готовъ былъ выйдти указъ 17 апрѣля, дающій еще большую свободу и старообрядцамъ и всѣмъ вообще въ области вѣры, и печати съ Рогожскихъ алтарей должны были отпасть. Такъ какъ алтари были запечатаны по личному императорскому повелѣнію, то и для распечатанія ихъ потребовалось соотвѣтственное повелѣніе: Александръ II повелѣлъ запечатать, Николай II повелѣлъ распечатать. Это распечатаніе не имѣетъ прямой связи съ указомъ 17 апрѣля, да и совершилось оно раньше, хотя и на одинъ день. Оно могло быть совершено и гораздо раньше въ полномъ соотвѣтствіи съ законами о расколѣ, дѣйствовавшими до этого указа.

Отнынѣ сооруженіе молитвенныхъ старообрядческихъ (и сектантскихъ) домовъ, точно также, какъ разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе, должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ, или будутъ поставлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій (5 положеніе комитета министровъ). Относительно же послѣднихъ установлено въ видѣ общаго правила, что для разрѣшенія ихъ постройки, возобновленія и ремонта необходимы: согласіе своего духовнаго на-

чалства, наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ, наблюденіе техническихъ требованій строительнаго устава (13 п. указа). Гражданское начальство, руководясь и въ отношеніи къ старообрядцамъ этимъ правиломъ, не будетъ теперь принимать во вниманіе никакихъ постороннихъ для старообрядцевъ соображеній о послѣдствіяхъ разрѣшенія ихъ молитвенныхъ домовъ, тогда какъ доселѣ у него господствовалъ «взглядъ, который имѣлъ въ виду исключительно охраненіе интересовъ православія и согласно коему открытіе каждой новой моельни признавалось опаснымъ, какъ способствующее укрѣпленію раскола и затрудняющее миссіонерскую проповѣдь», по силѣ каковаго взгляда рѣдко разрѣшались новыя моленныя, что отчасти и заставляло старообрядцевъ прибѣгать къ незаконной, самовольной ихъ постройкѣ. Значить, новизна вносимая указомъ относительно свободы существованія старообрядческихъ моленныхъ, состоитъ въ томъ, что эта свобода усиливается и разрѣшеніе на постройку, возобновленіе и ремонтъ ихъ будетъ даваться безпрепятственно, по соображенію только нуждъ самихъ просителей. Можно ожидать, что моельни, помѣщавшіяся доселѣ въ частныхъ домахъ, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, если не вездѣ, замѣнятся нарочитыми молитвенными зданіями.

2. Положительную новость представляетъ дарованное теперь старообрядцамъ разрѣшеніе устроить скиты и обители, тогда какъ ранѣе не только/дозволялось устроить ихъ вновь, но даже и распечатаніе прежнихъ не допускалось (7 п. закона 1883 г.), хотя въ дѣйствительности скиты существовали и 49 изъ нихъ были извѣстны министерству внутреннихъ дѣлъ. На постройку скитовъ и обителей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ испрашивается разрѣшеніе этого министерства; отказъ можетъ послѣдовать только съ вѣдома и согласія комитета министровъ (6 положеніе комитета министровъ).

3. Доселѣ по закону (49 Уст. пред. и прес. прест.) для погребенія умершихъ раскольниковъ отводились от-

дѣльные мѣста при общихъ кладбищахъ, хотя нерѣдко бывали у старообрядцевъ и совершенно отдѣльные отъ православныхъ кладбища; отнынѣ и по закону они могутъ имѣть такія кладбища (13 положеніе комитета министровъ).

4. Отнынѣ старообрядческія общества признаются правительствомъ подъ именемъ «общинъ» и эти общины получаютъ права на владѣніе движимыми и недвижимыми имуществами на имѣющихъ быть особо установленными для сего основаніяхъ; такія же права получаютъ и учреждаемыя старообрядцами богоугодныя заведенія на основаніи надлежаще утверждаемыхъ ихъ уставовъ (4 положеніе комитета министровъ), т. е. старообрядческія общины съ ихъ учрежденіями признаются за юридическія лица и уподобляются православнымъ приходамъ, церквямъ и монастырямъ съ ихъ учрежденіями. Это—совершенно новое право, данное старообрядчеству (какъ и сектантству).

5. Точно также совершенную новостъ представляетъ дарованное старообрядцамъ (и сектантамъ) право устроить начальныя школы для своихъ дѣтей (9 положеніе комитета министровъ). Доселѣ старообрядцы для первоначальнаго образованія своихъ дѣтей должны были пользоваться общими для всего населенія школами,—имѣть спеціально свои школы имъ не разрѣшалось, хотя, несмотря на отсутствіе этого разрѣшенія, у нихъ было, и довольно много своихъ школъ, неразрѣшенныхъ или тайныхъ, которыми руководили, по отзыву комитета министровъ, полуграмотные фанатики—уставщики, келейницы и чернички. Только въ видѣ опыта во Владимирской и Нижегородской губерніяхъ были разрѣшены правительствомъ двѣ собственно старообрядческія школы. Но опытъ этихъ разрѣшенныхъ, спеціально старообрядческихъ школъ, вышелъ неудачнымъ: познанія учащихся въ нихъ оказались ниже уровня познаній учениковъ школъ церковно-приходскихъ и земскихъ, вслѣдствіе неудачнаго подбора учителей. Однако правитель-

ство рѣшило теперь дать всѣмъ старообрядцамъ во всей Россіи право на устройство своихъ собственныхъ школъ. Такія школы допускаются лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ много старообрядцевъ; онѣ должны содержаться на собственные ихъ средства, а состоять — въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и преподаваніе въ нихъ должно вестись примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ министерствомъ; учителя для нихъ избираются учредителями этихъ школъ изъ лицъ, обладающихъ образовательнымъ цензомъ народныхъ учителей, и утверждаются подлежащимъ учебнымъ начальствомъ. Законъ Божій въ этихъ школахъ разрѣшается преподавать по вѣрѣ ихъ родителей, при чемъ отъ законоучителя, если такимъ будетъ особое отъ учителя лицо, требуется такой же образовательный цензъ, какъ и отъ учителя. Разумѣется, прежнее право старообрядцевъ отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія остается во всей силѣ. И въ эти общія, заведенія, по желанію родителей учащихъ старообрядцевъ, могутъ быть допускаемы ихъ собственные законоучителя съ вознагражденіемъ за свой трудъ отъ лицъ пригласившихъ ихъ.

6. Доселѣ (по 50 ст. Уст. о пред. и прес. прест.) раскольники не имѣли права печатать употребляемыя у нихъ при богослуженіи книги; они могли приобретать эти книги изъ особой типографіи, учрежденной въ Москвѣ (т. е. въ типографіи единовѣрцевъ при Святотроицкой Введенской церкви у Салтыкова моста). Отнынѣ это постановленіе отмѣняется (10 положеніе комитета министровъ), и на печатаніе этихъ книгъ внутри Россіи, а также и на ввозъ ихъ изъ-за границы распространяются общія правила о печати ³⁾.

³⁾ Въ журналѣ комитета министровъ по поводу отмѣненнаго теперь запрета старообрядцамъ самимъ печатать ихъ богослужебныя книги и разрѣшенія приобретать ихъ въ особой типографіи, учрежденной въ Москвѣ, сказано: „правиломъ этимъ въ сущности не устраняется распространеніе старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ, а лишь монополизирована ихъ печатаніе...“ Сказанное относительно печатанія старообрядческихъ богослужебныхъ книгъ, что оно доселѣ состоя-

7. Уставщики, наставники и другія лица, исполняющія духовныя требы у старообрядцевъ, по дѣйствовавшему доселѣ закону, не подвергались за сіе преслѣдованію, но за ними не признавалось духовнаго сана и званія, они считались принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, изъ которыхъ происходили (10 п. закона 1883 года). По указу 17 апрѣля, эти старообрядческіе требоисправители считаются духовными лицами и составляютъ старообрядческое духовенство; по избраніи ихъ старообрядческими общинами, они утверждаются въ своихъ должностяхъ подлежащею правительственною властію; имъ присвоится особое наименованіе «настоятелей и наставниковъ», они исключаются изъ тѣхъ сословій, къ какимъ принадлежали, и освобождаются отъ призыва въ дѣйствительную военную службу и, если пострижены, могутъ именоваться монашескимъ именемъ (9 п. указа); они обязуются вести метрическія книги подъ наблюденіемъ правительственныхъ, или общественныхъ учрежденій для записей рожденій, браковъ и смертей старообрядцевъ (12 положеніе комитета министровъ), свидѣтельствуютъ духовныя завѣщанія, на правахъ духовныхъ лицъ вообще (10 п. указа), могутъ быть законоучителями старообрядческихъ дѣтей какъ въ спеціально-старообрядческихъ школахъ, такъ и въ общихъ, если того пожелаютъ родители учащихся (9 положеніе комитета министровъ и 14 п. указа). Таково положеніе въ государствѣ старообрядческихъ (и сектантскихъ) требоисправителей, въ которое ставитъ ихъ указъ 17 апрѣля, положеніе, совершенно для нихъ новое. По правамъ, дарованнымъ имъ этимъ указомъ, они почти уравнились съ духовенствомъ православной церкви, тогда какъ еще наканунѣ 17 апрѣля они были въ глазахъ правительства простыми мѣщанами, или крестьянами, не имѣв-

---

вляло монополію особой типографіи, вѣрно и понятно каждому; но какъ понять, что печатаніе не только старообрядческихъ, но и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ было монополіей этой типографіи, когда нѣзакія сектантскія книги выходя въ ней не печатались?!

шими никакого отличія отъ прочихъ рядовыхъ старообрядцевъ. Правда и теперь въ паспортахъ, выдаваемыхъ этимъ настоятелямъ и наставникамъ, не должно употреблять православныхъ іерархическихъ наименований, да воспрещается имъ надѣвать священнослужительское облаченіе въ тѣхъ случаяхъ, когда сіе будетъ возбранено закономъ (п. 9 и 10 указа). Лишь этими двумя ограниченіями, не снятыми государствомъ съ старообрядческихъ требоисправителей, и оставленныхъ за ними по прежнему, и различаются теперь они (какъ и сектантскіе требоисправители) отъ православнаго духовенства и отъ духовенства прочихъ христіанскихъ исповѣданій, да еще нѣтъ имъ отъ государства жалованья ¹⁾.

1) Относительно запрещенія употреблять въ паспортахъ старообрядческихъ настоятелей и наставниковъ православныя іерархическія наименованія въ указѣ (п. 9) чувствуется нѣкоторая, и довольно большая, неясность. Сказано: „допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ (настоятелямъ и наставникамъ) паспортахъ въ графѣ, указывающей родъ занятій, принадлежащаго имъ среди этого (т. е. старообрядческаго) духовенства положенія, безъ употребленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій“. Здѣсь ясно, что духовныя лица старообрядцевъ не должны называться въ паспортахъ православными іерархическими наименованіями. Православныя же іерархическія наименованія таковы: епископъ, архіепископъ, митрополитъ, патриархъ, священникъ, іерей, іеромонахъ, пресвитеръ, протоіерей, протопресвитеръ, игуменъ, архимандритъ, діакопъ, протодіаконъ, іеродіаконъ, архидіаконъ. Итакъ указъ запрещаетъ употреблять въ паспортахъ, и конечно въ другихъ документахъ, относительно старообрядческихъ духовныхъ лицъ эти православныя іерархическія наименованія. Это запрещеніе указа ясно; но не ясно, какъ же, не употребляя этихъ наименованій, можно обозначить положеніе вѣстнаго лица среди старообрядческаго духовенства. Если въ графѣ, означющей родъ занятій, будетъ стоять: настоятель, или наставникъ, то это слово обозначить, хотя и слишкомъ обще и потому неопредѣленно, положеніе этого лица въ общинѣ старообрядцевъ, именно обозначить, что оно не есть простолюдинъ, но принадлежить къ ихъ духовенству; но оно не обозначить положенія этого лица среди самого старообрядческаго духовенства, что также допускается указать. Какъ въ самомъ дѣлѣ въ паспортѣ напр. Іоанна Каргушина обозначить положеніе его среди старообрядческаго духовенства? Для окружнической секты австрійской поповщины онъ есть архіепископъ Московскій. Но «архіепископъ» — одно изъ православныхъ іерархическихъ наименованій, употребленіе коихъ въ паспортахъ для старообрядцевъ возбранено, — и какъ же обозначить положеніе этого старообрядческаго „наставника и настоятели“ среди старообрядческаго духовенства? Равнымъ образомъ какъ обозначить положеніе среди своего духовенства какого-либо старообрядческаго діакона, не употребляя наименованія „діаконъ?“ Узаконенное теперь наименованіе „настоятель“, по принятому его употребленію въ православной церкви, подходит только къ однимъ старообрядческимъ священникамъ; для лицъ же епископской и діаконской степеней это наименованіе неудобно. 9 пунктъ указа есть буквальный повтореніе 7 положенія комитета министровъ. Въ самомъ журналѣ комитета при изложеніи его разсужденій о

8. Наконецъ, старообрядцы получили по указу 17 апрѣля (п. 11) новое для нихъ право вступать въ смѣшанные браки съ православными, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православной Церкви, что непремѣнно требовалось отъ нихъ доселѣ (по ст. 33 т. X, ч. I Свода законовъ), и теперь они уравниены въ этомъ отношеніи съ христіанами инославныхъ исповѣданій. И относительно вступленія на общественную и государственную службу старообрядцы совершенно уравниены теперь съ православными. Хотя и ранѣе въ законѣ не существовало никакихъ ограниченій для старообрядцевъ относительно ихъ правъ на эту службу, но на практикѣ, въ силу административныхъ распоряженій, нѣкоторыя ограниченія были. Теперь всѣ такія ограниченія должны быть устранены и сняты (III отд. положеній, комитета министровъ) и старообрядцы должны быть полноправными членами общества и государства.

Мы пересказали съ нѣкоторыми поясненіями всѣ права, утвержденныя за старообрядцами Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля и опредѣляющія новое ихъ положеніе въ Россійской имперіи. Повторимъ ихъ еще разъ вкратцѣ.

Старообрядцы теперь съ большею безпрепятственностью, чѣмъ прежде, могутъ устроить молитвенные дома, и не только молитвенные дома, но и скиты и обители, школы и богоугодныя заведенія; они могутъ вступать въ бракъ съ православными безъ обязательнаго присоединенія къ церкви и совершенно уравниены съ ними по занятію

правахъ наставниковъ и настоятелей, сказано просто, что комитетъ нашелъ возможнымъ, въ графѣ паспорта, указывающей родъ занятій, обозначать званіе старообрядческихъ духовныхъ лицъ, „безъ употребленія однако іерархическихъ наименованій“. Такое заключеніе комитета не содержитъ въ себѣ никакой неясности; но когда это заключеніе вносили въ видѣ отдѣльнаго положенія въ ряду другихъ положеній, представленныхъ Государю для утвержденія и теперь утвержденныхъ, то вмѣсто слова „званіе“ (т. е. настоятель, наставникъ) написали: „положеніе среди духовенства“ и вышла неразрѣшимая задача для тѣхъ, кто долженъ выдать паспорта старообрядческимъ требосправителямъ. Но, при всей неясности этого выраженія, однако безспорно, что Высочайшій указъ рѣшительно запрещаетъ старообрядческому духовенству именоваться православными іерархическими наименованіями.

общественныхъ и государственныхъ должностей. Старообрядческіе требоисправители, подъ наименованіемъ «настоятелей и наставниковъ», признаны какъ особое сословіе, какъ должностныя лица, утверждаемыя въ своемъ званіи правительствомъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ воинской повинности и исключеніемъ изъ тѣхъ сословій, къ которымъ принадлежали по рожденію; они ведутъ метрику и законоучительствуютъ. Общины старообрядческія признаны юридическими лицами съ правомъ на владѣніе движимыми и недвижимыми имуществомъ.

Съ полученіемъ этихъ правъ, старообрядчество, доселѣ только терпимое въ государствѣ, пріобрѣло положеніе признаннаго имъ вѣроученія, подобно прочимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Правда, и доселѣ принадлежность къ старообрядчеству не преслѣдовалась государствомъ и старообрядцы имѣли свободу и возможность удовлетворять свои необходимыя религіозныя потребности, для чего имъ разрѣшалось при посредствѣ ихъ уставщиковъ и другихъ лицъ совершать и общественное богослуженіе какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ нарочитыхъ моленныхъ, но, терпя и допуская старообрядчество, какъ извѣстное вѣроученіе, государство не знало его, какъ общественно-религіозной организаци, не считало за опредѣленныя общественныя единицы ихъ общинъ и самые совершители старообрядческаго богослуженія для правительства и гражданскаго закона были обыкновенными, простыми лицами, ничѣмъ не отличающимися отъ прочихъ старообрядцевъ. Теперь же, съ изданіемъ указа 17 апрѣля, государство, не входя по прежнему во внутреннюю жизнь и строй старообрядчества и не давая ему отъ себя какого-либо устройства, признало его именно какъ общественно-религіозную организацию, утвердивъ за давно уже въ дѣйствительности существующими въ немъ общинами право на законное, юридическое существованіе и надѣливъ какъ самыя эти общины и ихъ учрежденія, такъ и руководителей ихъ, настоятелей и на-

ставниковъ, различными правами. Въ этомъ-то призна-
ніи со стороны государства старообрядческихъ общинъ
и ихъ руководителей и сообщеніи имъ характера юриди-
ческой законности и состоитъ главное отличіе того но-
ваго въ государствѣ положенія, по сравненію съ преж-
нимъ, бывшимъ до указа 17 апрѣля, въ какое поста-
вилъ старообрядчество этотъ указъ.

IV.

Отношеніе старообрядцевъ къ правамъ, дарованнымъ имъ указомъ.

Такихъ широкихъ правъ, какія дарованы Высочай-
шимъ указомъ 17 апрѣля, старообрядцы еще никогда
не имѣли въ Россіи, и воистину указъ этотъ для нихъ
есть великая царская милость. Но довольны ли они этою
милостию?

Несомнѣнно, что въ общемъ—очень довольны и тор-
жествуютъ и славятъ милосердіе и благодать Государя.
Что же касается частныхъ, то нѣкоторыя статьи указа
вызвали въ нихъ удивленіе, нѣкоторыя же разочарова-
ніе; такова въ особенности статья о старообрядческомъ
духовенствѣ.

Указъ, хотя и знаетъ о дробленіи старообрядчества
на толки или согласія (п. 5, 6 и 7), но говоритъ о
старообрядствѣ вездѣ такъ, какъ будто бы оно было
единое и недѣлимое цѣлое и какъ будто все оно со-
стояло изъ однихъ поповцевъ,—безпоповцы повидному
мало принимались въ соображеніе. Званіе или наиме-
нованіе, приданное старообрядческимъ требоисправите-
лямъ, «настоятели и наставники», правда, хорошо из-
вѣстно безпоповцамъ: такъ именно и называются у
нихъ ихъ требоисправители; но, конечно, безпоповцы
сильно удивлены, что въ указѣ всѣ старообрядческіе
настоятели и наставники, а слѣдовательно и ихъ, без-
поповщинскіе, названы духовными лицами, духовен-

ствомъ (п. 9 и 10), удивлены потому, что даже сами они не считаютъ своихъ настоятелей и наставниковъ за лицъ духовныхъ. Ибо догматика безпоповцевъ не допускаетъ въ нынѣшнее время лицъ духовныхъ, потому что, по этой догматикѣ, антихристъ при патриархѣ Никонѣ истребилъ Христово священство и они, единственные съ тѣхъ поръ истинные, сущіе христіане, по этой именно причинѣ оказались безпоповцами, т. е. не имѣющими священства и духовенства. У нихъ нѣтъ священника-пастыря, ихъ стадо ведетъ не пастырь, а передовая овца, такой же простолюдинъ мірянинъ, какъ и прочіе ихъ христіане. Хотя и существуетъ у нихъ извѣстный молитвенный чинъ на поставленіе этихъ настоятелей, но всѣ разумные и знающіе основаніе своей вѣры безпоповцы всегда смотрятъ на этихъ настоятелей, да и сами настоятели смотрятъ на себя не какъ на лицъ священныхъ или духовныхъ, но именно какъ на мірянъ, которые только за крайнюю нужду совершаютъ нѣкоторыя таинства, какія, по ихъ мнѣнію, и при существованіи законнаго священства, за нужду дозволительно совершать мірянамъ. То самое, что совершаетъ у безпоповцевъ ихъ настоятель, въ его отсутствіе, безъ всякаго смущенія можетъ совершать и совершаетъ всякій другой безпоповецъ, и не только мужчина, но и женщина. Женщина у безпоповцевъ иногда не только настоятельствуетъ за моленіемъ, но и креститъ и принимаетъ на исповѣдь; но никто изъ нихъ не думаетъ, что эта женщина есть духовное лицо, священникъ или, по народному нашему, а также и по старокнижному выраженію, попъ, а всѣ смотрятъ, что она не больше, какъ и всякая напимѣрь повивальная бабка, крестьянка слабаго новорожденнаго младенца, по страху, какъ бы онъ, пока пригласятъ священника, не умеръ некрещеннымъ. Но тѣхъ таинствъ, которыя безпоповцы не совершаютъ и не имѣютъ, напр. причащенія, ихъ настоятели потому именно и не совершаютъ, что этихъ таинствъ мірянинъ не можетъ совершать ни

при какой нуждѣ, и они, будучи именно мірянами, а не духовными лицами, совершать ихъ не дерзають. Нужда же безпоповщинская вся въ томъ и состоитъ, что у нихъ нѣтъ именно поповъ, т. е. настоящихъ духовныхъ лицъ, почему они и называются именно безпоповцами. И вотъ теперь эти не имѣющіе духовенства безпоповцы въ указѣ прочитали, что у старообрядцевъ, а слѣдовательно и у нихъ, есть духовныя лица. Повторяемъ, разумные изъ нихъ сильно удивлены такимъ названіемъ; но малосвѣдущіе въ этомъ выраженіи указа могутъ видѣть подкрѣпленіе своему мнѣнію, будто ихъ безпоповскіе попы—настоящія духовныя лица и такими будто считаетъ ихъ даже само царское правительство.

Поповцы несомнѣнно не довольны тѣмъ, что для требоисправителей всего старообрядчества введено одно, именно безпоповщинское наименованіе настоятелей и наставниковъ: значить, для государства, для закона все равно, что ихъ поповщинское духовенство, что безпоповщинскіе такъ называемые отцы; ихъ епископовъ, архіепископа, поповъ и діаконовъ, облекающихся въ благолѣпныя священническія ризы, это наименованіе сравнило съ безпоповщинскими настоятелями, т. е. съ простыми людьми, которые за службой въ моленной стоятъ въ тѣхъ же кафтанахъ, въ какихъ сидятъ у себя дома и ходятъ на базаръ; и они, бѣглоповцы и австрійцы, «пріемлющіе священство», нисколько въ указѣ не различаются отъ безпоповцевъ, вовсе не пріемлющихъ и не имѣющихъ никакого священства. Недовольство этимъ наименованіемъ характерно выразилъ извѣстный австрійскій архіепископъ въ разговорѣ съ однимъ православнымъ священникомъ Московской епархіи (именно съ о. Александромъ изъ Ильинскаго погоста): «пусть меня пишетъ правительство, какъ хочетъ и какъ знаетъ, а я знаю про себя, что я архіепископъ, а не какой-то, не то безпоповскій, не то штундовый, наставникъ, и я такъ никогда себя не стану называть».

Австрійцы, имѣющіе даже трехчинную іерархію, сильно бы хотѣли ужъ если не признанія отъ правительства этой іерархіи, то по крайней мѣрѣ того, чтобы оно дозволило хоть въ паспортахъ означать степени этой іерархіи; но въ указѣ они встрѣтили огорчительное для нихъ запрещеніе употреблять въ паспортахъ всѣхъ старообрядческихъ настоятелей и наставниковъ православныя іерархическія наименованія.

Но еще больше, чѣмъ запрещеніемъ іерархическихъ наименованій, недовольны поповцы воспрещеніемъ ихъ духовнымъ лицамъ надѣвать священнослужительское облаченіе въ тѣхъ случаяхъ, когда сіе будетъ возвращено закономъ (п. 10 указа). Этому воспрещенія вообще они нивакъ не ожидали встрѣтить въ указѣ о свободѣ вѣры, они ожидали наоборотъ полной свободы, чѣмъ и объясняется то, что по мѣстамъ, какъ только слышали о новыхъ правахъ, дарованныхъ указомъ, тотчасъ же и стали нѣкоторые старообрядческіе попы показываться и внѣ моленныхъ—въ ризахъ, слышалось старообрядческое пѣніе на улицахъ, а при моленныхъ зазвонили въ колокола. Но указъ не даетъ старообрядцамъ никакого права на эти дѣйствія.

Ничего такъ не желанно для старообрядцевъ, а особенно австрійцевъ, какъ снятіе запрещенія съ этого, такъ называемаго въ законѣ, оказательства раскола ¹⁾. Крестные ходы и публичныя процессіи съ иконами и пѣніемъ, духовенство въ ризахъ не только внутри молитвенныхъ зданій, но и на улицахъ и площадяхъ, колокольный звонъ—мечта всѣхъ этихъ старообрядцевъ,

---

1) Публичнымъ оказательствомъ раскола, воспрещеннымъ 11 статьею закона 1883 г., признаются: а) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ, б) публичное носеніе иконъ, за исключеніемъ предношенія иконы проводимаго на кладбище покойнику, в) употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія, или монашескаго и священно-служительскаго одѣяній и г) раскольническое пѣніе на улицахъ и площадяхъ (но на кладбищѣ пѣніе и молитвы разрѣшаются однако безъ употребленія церковнаго облаченія, по ст. 9). Употребленіе наружныхъ колоколовъ при моленныхъ запрещено 8 статьею того же закона, хотя это запрещеніе не дублируется въ 11 статьѣ, гдѣ опредѣляется публичное оказательство раскола.

пока еще не осуществленная правительствомъ. Желать снятія запретовъ на эти предметы ихъ побуждаетъ отчасти религіозное чувство, не имѣющее возможности черезъ нихъ проявиться вполне такъ, какъ оно проявляется у православныхъ и потому недовольное этими запретами, а главное—надежда, что тогда, когда снимутся эти запреты, поповщинскій, а въ частности австрійскій расколъ, уже ничѣмъ повидимости не отличаясь отъ православной церкви, будетъ еще болѣе привлекателенъ для простонародья. Въдѣ эти ограниченія, которымъ подчинены старообрядцы, очевиднѣйшія для простонародья знаменія отъ правительства, что оно не считаетъ расколъ за истинную вѣру.

Намъ скажутъ, что такое состояніе православнаго простонародья печально, если онъ какъ бы по повѣстѣ отъ правительства знаетъ, что расколъ заблужденіе, и судить по наружности, тогда какъ надо бы, чтобы онъ хорошо и обстоятельно зналъ и свою православную вѣру и заблужденіе раскола и сектанства. Мы согласны, что такъ бы должно быть; но кто же не знаетъ, что на самомъ дѣлѣ простонародье, въ его массѣ, еле знаетъ свою вѣру, а къ знаменіямъ отъ православнаго, царскаго правительства его приучало само же это правительство цѣлыми столѣтіями, и потому простонародье не очень виновато, что привыкло руководиться этими знаменіями. Въ деревняхъ между православными и раскольниками нерѣдко идутъ споры о томъ, гдѣ истинная вѣра, и иногда православный, мало начитанный и пожалуй загнанный раскольническимъ совопросникомъ, ставить его въ безотвѣтность такимъ заключительнымъ своимъ словомъ: если бы царь считалъ вашу вѣру за истинную, онъ бы признавалъ вашихъ поповъ за настоящихъ, позволилъ бы имъ вездѣ ходить въ рясахъ и въ ризахъ и звонить въ колокола. И раскольникъ, слыша этотъ резонъ, вздыхаетъ. Царь, въ понятіи народа, своими законами учить народъ истинѣ: не можетъ онъ разрѣшить, чтобы и расколическое бого-

служеніе такъ же открыто и торжественно, какъ и православно, совершалось ихъ наставниками, простолюдинами и незаконными попами; царь можетъ только терпѣть расколъ, но не покровительствовать ему и не равнять его съ православіемъ. Пока эти царскія и правительственныя знаменія для малосильныхъ въ разумѣ вѣрующихъ еще цѣлы, и «постановленія» закона, «опредѣляющія недозволенное публичное оказательство раскола дѣйствуютъ и по нынѣ», какъ и прямо разъясняетъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ циркулярѣ градоначальникамъ и губернаторамъ, изданномъ съ тою цѣлю, чтобы они вездѣ слѣдили за точнымъ и единообразнымъ выполненіемъ Высочайшаго указа отъ 17 апрѣля. Жаль, что это министерское разъясненіе царскаго указа не сдѣлано повсюду извѣстнымъ ни старообрядцамъ, ни мѣстнымъ непосредственнымъ народнымъ властямъ, потому что старообрядцы и послѣ изданія этого разъясненія по мѣстамъ позволяютъ себѣ недозволенное оказательство раскола, а эти власти являются равнодушными зрителями нарушенія старообрядцами законовъ о нихъ. Государь Императоръ учредилъ особое совѣщаніе для пересмотра и измѣненія прежнихъ законовъ о положеніи въ Россіи старообрядчества (а также сектанства, иновѣрія и инославія) сообразно съ указомъ 17 апрѣля. Это совѣщаніе должно составить новые законы о положеніи неправославныхъ въ Россіи. Что скажутъ эти будущіе новые законы, скоро услышимъ; но пока они не изданы, даже еще и не составлены, должны дѣйствовать неотмѣненные указомъ старые законы, возбраняющіе старообрядцамъ публичное оказательство раскола, и старообрядцы, по долгу вѣрноподанныхъ, должны исполнять эти царскіе о нихъ законы, а не нарушать ихъ.

Указъ требуетъ, чтобы старообрядческіе настоятели и наставники въ своемъ званіи утверждались правительственною властію (п. 9). Этимъ требованіемъ не довольны если не всѣ, то весьма многіе старообрядцы.

Во-первыхъ, сама эта правительственная власть въ глазахъ всѣхъ раскольниковъ есть власть еретическая, и въ глазахъ огромнаго большинства ихъ и даже Антихристовъ,—и вдругъ эта самая власть станетъ утверждать въ духовномъ званіи «настоятелей» и «наставниковъ» — чьихъ? — самыхъ истинныхъ христіанъ! Желательна ли для нихъ такая санкція? Не говоря уже о безпоповцахъ, и для поповцевъ она далеко не по сердцу. Во-вторыхъ, утвержденіе настоятелей и наставниковъ правительственною властію лишитъ старообрядцевъ той свободы, какую они теперь пользуются въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ духовнымъ руководителямъ. Теперь, въ случаѣ недовольства настоятелемъ, или попомъ старообрядцы свободно удаляютъ его и на его мѣсто ставятъ другого. Но не такъ-то легко будетъ освободиться отъ лица, утвержденнаго въ своемъ достоинствѣ правительствомъ. Если оно его утвердило, то, разумѣется, только оно же и можетъ лишитъ его присвоеннаго ему званія, — значить, безъ вѣдома правительства старообрядцы не могутъ теперь увольнять неугодныхъ имъ настоятелей. А если иной настоятель, по обычаю всѣхъ увольняемыхъ, будетъ недоволенъ общиной за это увольненіе и потребуетъ отъ утвердившаго его правительства защиты себѣ и суда по своему дѣлу? Указъ такимъ образомъ ставить старообрядцевъ въ зависимость отъ правительства, налагая на нихъ неизвѣстную имъ доселѣ и наврядъ ли пріятную опеку, и лишаетъ ихъ той свободы, съ которой они сжились и едва ли сами хотятъ добровольно разстаться. Въ-третьихъ, утвержденіе правительствомъ настоятелей и наставниковъ не удобно для нихъ самихъ и въ бытовомъ, практическомъ отношеніи. Послѣ этого утвержденія они подлежатъ исключенію изъ сословія, къ какому ранѣе принадлежали. Большинство старообрядческихъ требоисправителей — крестьяне. Съ исключеніемъ изъ общества, они теряютъ свои права на пользованіе общественною землею. Допустимъ однако,

что старообрядческая религіозная община и по исключенію изъ общества крестьянъ избраннаго ею настоятеля, пожелаетъ сохранить за нимъ прежній его земельный надѣлъ, даже дать ему еще больше. Но такое сохраненіе надѣла за исключеннымъ изъ крестьянскаго общества возможно лишь тогда, когда все это общество состоитъ изъ однихъ старообрядцевъ и при томъ одной той секты, для которой будетъ служить избранный въ настоятели. Когда же составъ общества будетъ разновѣрный, то очень возможно, что оставленію надѣла за этимъ настоятелемъ воспротивятся или православные, или старообрядцы другихъ согласій, или другіе какіе сектанты, входящіе въ составъ этого общества, и тогда старообрядческій настоятель окажется вовсе безъ земли. А какъ жить безъ земли если не ему самому, то его дѣтямъ? А если и самъ этотъ настоятель будетъ уволенъ изъ своего званія, куда онъ дѣнется безъ земли, если то сельское общество, въ которому при исключеніи его изъ крестьянскаго званія отошелъ его надѣлъ, не захочетъ теперь принять его обратно въ свой составъ? Словомъ, въ этомъ требованіи указа, чтобы старообрядческіе настоятели и наставники утверждались правительствомъ, много сторонъ, непріятныхъ и не удобныхъ для старообрядцевъ, и несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ, многіе изъ ихъ требоисправителей по доброй волѣ не станутъ искать себѣ утвержденія отъ правительства и останутся по прежнему свободными и независимыми отъ него, если это будетъ можно. Если же правительство обязательно потребуетъ, чтобы они непремѣнно утверждались его властью, то, конечно, старообрядцы должны будутъ волей-неволей покориться. У евреевъ есть «казенные» раввины въ отличіе отъ «духовныхъ»: тѣ ведутъ метрики и существуютъ для цѣлей правительства, а эти — дѣйствительные раввины-наставники и удовлетворяютъ духовныя нужды народа. Не вышло бы чего подобнаго и у старообрядцевъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сектахъ?

Что касается веденія метрикъ, которое возложено на старообрядческихъ духовныхъ лицъ, то опять можно думать, что для многихъ старообрядцевъ покажется тяжелою эта обязанность. Въдь метрики для старообрядцевъ уже были заведены правительствомъ еще въ 1874 году, но пользовалось ими слишкомъ ничтожное число старообрядцевъ, а вся остальная масса ихъ отлично умѣла обходиться безъ этихъ метрикъ. Въ десяти губерніяхъ и областяхъ за четыре года (1899—1903) у старообрядцевъ было заключено въ дѣйствительности 29,431 браковъ, а въ метрики изъ этого числа записано только 1,840; рожденій за это же время было 131,780, а записано въ метрики изъ этого числа только 1.340; умерло 91,634, а въ метрикахъ записано умершихъ 552. Слишкомъ велика разница въ числѣ записей и самыхъ событій, подлежащихъ записямъ, т. е. рожденій, браковъ, смертей. Да нужно обратить вниманіе и на то, что цифры взяты за самые послѣдніе годы, когда къ закону 1874 г. уже нѣсколько попривыкли старообрядцы; какія же онѣ были въ началѣ, какъ только вышелъ этотъ законъ? Причинъ такого поразительно малаго пользованія метриками со стороны старообрядцевъ комитетъ министровъ видитъ нѣсколько, и первую въ томъ, что правами, дарованными раскольникамъ, въ томъ числѣ и записью въ метрики, могли пользоваться только природные раскольники, а совратившіеся въ расколъ не могли. Но мы знаемъ мѣстности со сплошь природнымъ раскольническимъ населеніемъ, и тамъ метрики и въ полиціи и въ волостныхъ правленіяхъ лежали почти безъ всякаго употребленія; и посему совершенное неиспользованіе ими, или слишкомъ незначительное пользованіе этой первой изъ указанныхъ комитетомъ причинъ нельзя объяснить. Вторая причина указана комитетомъ въ томъ, что, по понятіямъ раскольниковъ, «полиція не должна была вѣдать такимъ священнымъ дѣломъ, какъ регистрація религіозныхъ обрядовъ и таинствъ». Можно со-

гласиться, что порученіе этой регистраціи и полиціи было непріятно раскольникамъ; можно выражать теперь, конечно, запоздалое сожалѣніе, почему она не была поручена церковнымъ причтамъ, между тѣмъ какъ на нихъ же возложено ежегодное писанье посемейныхъ списковъ раскольниковъ въ двухъ экземплярахъ — трудъ утомительный и почти всегда совершенно безцѣльный: посемейные списки населенія, и православныхъ и раскольниковъ, ведутся въ волостныхъ правленіяхъ. Порученіемъ вести раскольническія метрики православнымъ причтамъ была бы устранена и третья причина, какою комитетъ объясняетъ, почему старообрядцы рѣдко пользовались метриками: отдаленность мѣстъ записей въ метрики отъ мѣстъ жительства раскольниковъ; потому что церквей, вообще говоря, больше, чѣмъ правленій волостныхъ, а тѣмъ больше полицейскихъ; у церквей же на общеприходскихъ кладбищахъ раскольники обыкновенно и хоронили своихъ покойниковъ, и, конечно, всякій разъ съ вѣдома священниковъ; да и приличнѣй всего эти записи было бы дѣлать священнику, а не старшинѣ, не приставу. Но соглашаясь, что возложеніе обязанности вести раскольническія метрики на этихъ свѣтскихъ лицъ было сдѣлано не совсѣмъ удачно, должно однакожь замѣтить, что сами старообрядцы въ веденіи метригъ этими лицами не должны были видѣть какую-то профанацію святыни, такъ какъ въ метрикахъ по закону 1874 г. должны были записываться не крещенія, вѣнчанія, отпѣванія, но рожденія, браки и смерти, т. е. не религіозные обряды и таинства, а событія естественной жизни, общей и у старообрядцевъ со всѣми людьми, вѣрующими и невѣрующими. Правительство тѣми метриками не входило въ религіозную жизнь раскольниковъ, и полиція, записывая эти акты, не касалась ни сколько религіозныхъ раскольническихъ обрядовъ и таинствъ. Вѣдь совершенно такого же характера метрики устанавливаетъ для старообрядцевъ и указъ 17 апрѣля; разница вся въ томъ, что веденіе ихъ воз-

лагается теперь на старообрядческихъ духовныхъ лицъ. Дѣйствительныя причины, почему законъ 1874 г. о метрикахъ не пользовался расположеніемъ старообрядцевъ и далеко не вполне достигалъ своей цѣли, лежали вовсе не въ томъ, въ чемъ усмотрѣлъ ихъ комитетъ министровъ, а во-первыхъ въ самыхъ понятіяхъ раскольниковъ о метрикахъ, какъ еретическомъ новшествѣ, дѣлѣ суетномъ, грѣховномъ и богопротивномъ: вспомнить надо австрійскихъ метрикоборцовъ и нашихъ лужбовцевъ, или недавно замурававшихся съ матерью Виталіей въ Терновскихъ плавняхъ, которые говорили по поводу всероссійской переписи: «ваши метрики отчуждаютъ насъ отъ Христа». Мы указали на крайности, но въ крайностяхъ лишь рѣзко выразился духъ, общій всему расколу. Правда и то, что метрики, въ которыхъ вмѣсто прежняго наименованія «раскольникъ», будетъ стоять узаконенное нынѣ наименованіе «старообрядецъ», не такъ будутъ противы раскольнику; но въдь и въ австрійскихъ метрикахъ они должны были писаться не «раскольниками» а народнымъ же тамошнимъ ихъ именемъ «липованъ», и однакоже эти метрики тамъ вызвали среди липовинъ метрикоборство. Но положимъ, теперь фанатизмъ раскола ослабѣлъ, и есть надежда, что поповцами метрики будутъ приняты, и ихъ попы, польщенные уравненіемъ ихъ въ этомъ отношеніи съ православными священниками, станутъ вести ихъ. Но примутъ ли ихъ безпоповцы, въ огромномъ большинствѣ своемъ бракоборы? Какъ бракоборный наставникъ, — еедосеевецъ, филиповецъ, странникъ, — станетъ записывать браки своихъ учениковъ, когда, по ихъ бракоборному ученію, браки въ нынѣшнее горькоплачевное время хуже блуда и тайнаго убійства? Какъ такой наставникъ станетъ записывать, что у такихъ-то, имя рекъ, законныхъ мужа и жены, родилось такое-то, имя рекъ, чадо, когда по ихъ вѣрѣ у истинныхъ христіанъ въ нынѣшнее время вовсе не должно быть дѣтей и чадородіе для нихъ такой грѣхъ,

который отлучаетъ ихъ отъ ихъ секты, которую они считаютъ церковію Божіею?! Вѣдь этотъ наставникъ и крестить такихъ не дозволяемыхъ вѣрою дѣтей соглашается только подъ условіемъ, что ихъ родители, беззаконные во всякомъ случаѣ, т. е. и при записи брака въ метрици, или безъ этой записи (ибо законнаго брака вовсе теперь не можетъ быть—таковъ догматъ). дадутъ крѣпкій обѣтъ перестать въ отношеніи другъ къ другу быть мужемъ и женою, а только братомъ и сестрой, и разойдутся на «чистое житіе». Всякая запись брака и чадородія должны показаться для такого наставника оскорбленіемъ его вѣры и насмѣшкой надъ нимъ лично, какъ учителемъ именно этой вѣры, которая рѣшительно возбраняетъ и бракъ и чадородіе. Только на одну запись, на запись смерти, пожалуй, согласился бы бракоборный наставникъ: это единственное безгрѣшное состояніе, дозволительное для бракоборныхъ христіанъ, да и то общее предубѣжденіе противъ метрикъ наврядъ ли допустить его до этой рѣшимости. А секта странниковъ считаетъ даже догматомъ, чтобы могила принадлежащаго къ ней христіанина была неизвѣстна для внѣшнихъ, т. е. для не принадлежащихъ къ сектѣ, а особенно для властей. Вотъ эти понятія раскольниковъ о метрикахъ и самыхъ событіяхъ, въ нихъ записываемыхъ, и глубокое отвращеніе къ нимъ и служило главною причиною, что раскольники почти не пользовались данными для нихъ еще въ 1874 году метриками. Другою причиною было то, что они не видѣли практической надобности въ метрическихъ записяхъ. Если же когда возникали дѣла, связанныя съ отсутствіемъ этихъ записей у раскольниковъ, то обыкновенно свидѣтельскія показанія и другія доказательства удостовѣряли суду спорный вопросъ. Всѣ эти условія остаются и теперь, и можно быть увѣреннымъ, что метрики, обязанность вести которыя теперь возложена на старообрядческихъ наставниковъ, сильно затрудняютъ по крайней мѣрѣ очень многихъ старообряд-

цевъ вообще и самихъ наставниковъ въ частности. Если же они и стануть вести эти гражданскіе акты, то исполняя лишь велѣнія власти, не за совѣсть, а за страхъ. Но еслибъ и прежде власть требовала непремѣнной записи въ метрики, старообрядцы, быть можетъ, и тогда бы исполняли это ея требованіе. Но она не требовала, и старообрядцы прекрасно обходились безъ метрикъ и безъ хлопотъ по записи въ нихъ и безъ расходовъ на гербовыя марки и вообще на выправку метрическихъ выписей. Пожелаемъ однако, чтобы надежды правительства не были обмануты, и старообрядцы въ огромномъ своемъ большинствѣ не оказались бы и теперь по прежнему невнимательными къ его заботамъ объ ихъ нормальномъ правовомъ положеніи.

Что касается дарованнаго старообрядцамъ права вступать въ браки съ православными безъ предварительнаго присоединенія къ церкви, которое уравнило ихъ въ этомъ отношеніи съ христіанами православнохъ исповѣданій, то старообрядцы, конечно, рады этому праву, собственно старообрядцы, приѣмлющіе бракъ, для бракоборовъ же и такіе законы о бракахъ не интересны. Отмѣненннй нынѣ законъ былъ тяжекъ для старообрядцевъ, требуя отъ нихъ для брака съ православными перемѣны вѣры. Конечно, эта перемѣна вѣры, именно ради брака, была обыкновенно не искренняя, желаніе присоединиться къ Церкви вынуждалось лишь требованіемъ закона и безъ этого вынужденія его и вовсе не было бы; на присоединеніе къ Церкви, сопровождаемое принятіемъ ея великихъ таинствъ, присоединившіеся ради брака старообрядцы смотрѣли просто какъ на неизбѣжную формальность, исполненіе которой давало имъ право на вступленіе въ бракъ, но не обязывало ихъ къ дѣйствительному пребыванію въ Церкви, хотя, чтобы добиться желаннаго брака, такіе люди и заявляли священнику, что они отъ души хотятъ присоединиться къ Церкви, выслушивали всѣ его наставленія и поученія, давали требуемую закономъ подписку

о неизмѣнномъ пребываніи въ православіи и священнигѣ, присоединивъ ихъ по чину, вѣнчалъ, иногда и самъ ясно видя всю неискренность такихъ присоединеній и всеже ничего не имѣя возможности подѣлать, такъ какъ раскольники исполняли все законныя требованія. Конечно, бывали случаи, что присоединившіеся ради брака оставались и на самомъ дѣлѣ въ православіи, но, кажется, чаще случалось, что они не только сами возвращались въ расколъ, но и увлекали туда и своихъ супруговъ, православныхъ отъ природы. Теперь эта пытка священниковъ, волей-неволей участвовавшихъ въ этомъ лицемѣрномъ присоединеніи раскольниковъ къ Церкви, прекращается, и для самихъ раскольниковъ устраняется этотъ законъ, поставившій предлогъ къ измѣнѣ своей вѣрѣ и къ обману православной Церкви. Теперь имъ ради браковъ съ православными не нужно будетъ насиловать свою совѣсть; они могутъ вступать въ смѣшанные браки и оставаясь раскольниками, безъ перехода въ православіе, подобно христіанамъ инославныхъ исповѣданій. Такъ—по смыслу указа; но будетъ ли такъ на дѣлѣ? По житейскимъ и бытовымъ условіямъ смѣшаннымъ бракамъ между православными и старообрядцами нельзя не быть. Но раскольники, по своимъ воззрѣніямъ, не признаютъ законными браковъ православныхъ съ еретиками. За православныхъ они считаютъ, конечно, себя, а за еретиковъ—насъ, православныхъ. При уравнии старообрядцевъ съ инославными въ отношеніи смѣшанныхъ браковъ, таковой ихъ взглядъ на эти браки и на православныхъ, кажется, не былъ взятъ въ соображеніе. Но взглядъ этотъ твердъ въ расколѣ и по силѣ сего взгляда выйдетъ то, что, за немногими исключеніями, старообрядцы оставаясь раскольниками, ни за что не станутъ ни вступать въ браки съ православными, которыхъ считаютъ еретиками, ни вѣнчаться въ православной, а по ихъ понятію—еретической, церкви, отъ православнаго. а по ихъ понятію—еретическаго, священника; да и

настоятели и наставники не будутъ разрѣшать старообрядцамъ вступленія въ бракъ съ православными, безъ перехода православныхъ въ расколъ, чего они по своей энергіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ и могутъ достигать ⁶⁾. Известно, что ради брака человекъ способенъ мѣнять вѣру, по крайней мѣрѣ наружно, что доказали сами старообрядцы при дѣйстви отмѣненнаго нынѣ закона, а теперь той же участи и опасности ради брака мѣнять вѣру будутъ подвергаться маломощные духомъ изъ православныхъ. И возможно, что по силѣ уже не закона, а именно такихъ понятій раскольниковъ, создастся практика, что разновѣрные женихъ и невѣста при самомъ вступленіи въ бракъ окажутся опять, какъ и при отмѣненномъ законѣ, единовѣрными: но только теперь будетъ мѣнять вѣру православная половина и она станетъ переходить въ расколъ ради брака съ раскольнической половиною. Законъ же гражданскій, дающій свободу каждому совершеннолѣтнему избирать себѣ какое угодно исповѣданіе и вѣрованіе (1 п. указа), не будетъ препятствіемъ къ такому переходу православныхъ въ расколъ. Въ д. Харловѣ (Бронницкаго уѣзда) православная дѣвица, изъ числа обратившихся изъ раскола, была сосватана за раскольника; но вѣнчаніе состоялось не въ церкви, а въ моленной, причемъ раскольнической попъ (Савва Климовскій) сначала присоединилъ ее къ расколу, а потомъ уже повѣнчалъ. Такіе случаи несомнѣнно будутъ совершаться и въ другихъ мѣстахъ, и въ этомъ печальная сторона уравненія старообрядцевъ съ христіанами другихъ исповѣданій относительно смѣшанныхъ браговъ.

⁶⁾ Такому взгляду раскольниковъ на браки ихъ съ православными, повидимости, противорѣчитъ практика, когда они вступали въ такіе браки, даже съ присоединеніемъ къ церкви. Но противорѣчіе это только кажущееся: по бытовымъ условіямъ смѣшанные браки были неизбѣжны, а совесть раскольническая успокоивалась тѣмъ, что съ православными вступали въ бракъ формально или официально уже не раскольники, а бывшіе раскольники, но уже отрѣкшіеся официально отъ раскола и по известному приему присоединившіеся къ православной церкви; неискренность же и даже завѣдомая лживость такихъ присоединеній оправдывалась или извинялась необходимостію, какою ставилъ гражданскій законъ, не дозволяя смѣшанныхъ браговъ православныхъ съ раскольниками, безъ обязательнаго присоединенія ихъ къ церкви, и известнымъ принципомъ, что цѣль оправдываетъ средства.

У.

Перестали-ли старообрядцы послѣ указа быть раскольниками?

Къ о. Александру Глаголевскому, священнику Ильинскаго погоста въ Гуслицѣ, 22 мая, пришли до десяти старообрядцевъ и выразили свое недовольство на то, что онъ въ своей проповѣди въ этотъ день, говоря о старообрядцахъ, назвалъ ихъ раскольниками, — трое изъ нихъ были сами въ церкви и слышали проповѣдь; они находили это выраженіе незаконнымъ, такъ какъ Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля повелѣвается въ замѣнъ наименованія «раскольники» употреблять — «старообрядцы» (п. 7); обиженные прежнимъ, доуказнымъ наименованіемъ, эти старообрядцы даже грозили, что подадутъ на священника въ судъ, какъ на дерзновеннаго нарушителя воли Его Императорскаго Величества. — Священникъ сдѣлавъ надлежащее разъясненіе и взволнованные старообрядцы успокоились. — Недѣлей ранѣе я самъ, бесѣдуя съ народомъ въ дѣлѣ Никольскаго единовѣрскаго монастыря въ Москвѣ по поводу Высочайшаго указа, услышалъ отъ одной женщины (отъ Ирины Васильевны), что наименованіе раскольники потому теперь отмѣнено, что оно — невѣжливое наименованіе.

Но есть ли въ самомъ дѣлѣ это наименованіе невѣжливость, а теперь, послѣ 17 апрѣля, даже и преступленіе — ослушаніе Величества?

Прежде всего — что такое расколъ и раскольники и почему такъ называются старообрядцы? Слово расколъ или собственно — распри наряду съ другимъ словомъ «ереси» употребляетъ св. апостолъ Павелъ при перечисленіи тѣхъ плотскихъ или грѣховныхъ дѣлъ, троякая которыхъ невозможно наследовать царствія Божія: у христіанъ, обязанныхъ жить не плотію, но духомъ, должны быть не распри или расколы, не ереси, но вѣра, т. е. единая вѣра, какъ единъ у нихъ Господь, Начальникъ

и Совершитель и единый Учитель этой вѣры (Гал. 5, 19—25; Ефес. 4, 5; Евр. 12, 2; Мѡ. 23, 8); и какъ въ тѣлѣ между его членами не должно быть распри или раздора, такъ и въ Церкви Христовой, которая есть тѣло Его, не должно быть распри и раздѣлений (1 Кор. 12, 25; 1, 10; Ефес. 1, 23; Римл. 16, 17).⁷⁾ И старообрядцы (равно какъ и прочіе сектанты) совершенно согласны съ нами, что отпаденіе отъ истинной вѣры и раздѣленіе съ истинной церковію такіе грѣхи, которыхъ христіане должны всемірно удаляться, чтобы не погибнуть, и по ихъ понятію, не должно быть ни еретикомъ, ни раскольникомъ (сами себя они считаютъ самыми вѣрными учениками Христовыми.) Но, не смотря на всю свою недоложенствуемость, эти грѣхи всегда были между христіанами, и церковная исторія, начиная со временъ апостольскихъ, говоритъ намъ объ ересьяхъ и расколахъ.

Какая разница между этими видами отступленій отъ единства вѣры и Церкви? По святому Василию Великому, «древніе еретиками назвали совершенно отторгшихся и въ самой вѣрѣ отчуждившихся, а раскольниками раздѣлившихся во мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и о вопросахъ, допускающихъ уврачеванія» (Книга правилъ, 1 каноническое правило названнаго святаго отца) или короче (какъ и читается это правило въ Кормчей гл. 21) «еретикъ, иже вѣрою чуждъ, а иже по нѣкоему незнаемому вопрошенію, той есть раскольникъ». Въ отношеніи къ Православной Церкви, между еретиками и раскольниками нѣтъ разности: и тѣ и дру-

⁷⁾ Слово распри славянскаго перевода Гал. 5, 20 можетъ быть понимаемо какъ расколъ, какъ по связи рѣчи, такъ и по нѣкоторымъ сопоставленіямъ. Ибо словомъ распри переведено *δυσστασία* подлиннаго текста, которое, знача буквально стояніе врознь или на двѣ стороны, можетъ означать и вражду, и распри, и протавленіе, и бунтъ, и партіи, и раздѣленіе, и расколъ; въ латинскомъ оно переведено черезъ *dissidia*, совершенно уже близкое по смыслу къ нашему расколъ, и диссиденты — названіе раскольниковъ въ западныхъ исповѣданіяхъ. Но словомъ распри переводится не одно *δυσστασία*, но и *σχίσμα*, во мн. *σχίσματα* (1 Кор. 1, 10 и 12, 25), т. е. то самое слово, которымъ у грековъ специально означается расколъ, даже въ отличіе его отъ ереси. Значитъ слово распри—*δυσστασία* можно понимать какъ расколъ—*σχίσμα*, *dissidia*.

гіе суть отпадшіе отъ нея и отлученные ею ея члены, считаютъ Церковь погрѣшившею противъ истины и по сему «не приобщаются къ ней, не имѣютъ съ ней никакого общенія и составляютъ самостоятельныя релігіозныя общества, или толки, согласія, секты. Но въ отношеніи самой вѣры, содержимой еретиками и раскольниками, между ними, по приведенному разъясненію св. Василія Великаго, есть разница: еретики отпали, отторглись отъ истинной вѣры, къ чистой Христовой истинѣ они примѣшали человѣческую ложь и заблужденіе, имѣютъ вѣру извращенную, которую церковь, вѣрная хранительница истины (1 Тим. 3, 15), не признаетъ уже вполнѣ своей вѣрой, но чуждой себѣ, и сами еретики по ихъ вѣрѣ не свои для церкви, а чужіе, — таковы напр. были Арій и его послѣдователи аріане, не вѣровавшіе въ единосушіе или равенство по божеству Сына Божія со Отцемъ и считавшіе Его тварію; тогда какъ раскольники сами той же вѣры, что и церковь, въ этомъ смыслѣ св. отецъ о нихъ говорить: «яко (они) еще не чужды церкви»; причиной же ихъ раздѣленія съ нею было вѣчто такое, что въ сущности есть ихъ недоумѣніе: они придали недоумѣнному для нихъ вопросу, или вопросамъ слишкомъ большое значеніе и, не видя у церкви своего пониманія, сочли ее за то неправой и отдѣлилися отъ нея, — таковы были напр. Наватъ и его послѣдователи наватіане, называвшіеся еще кааарами, т. е. чистыми, отдѣлявшіеся отъ церкви главнымъ образомъ изъ-за того, что «иначе мыслили о покаяніи, нежели какъ сущіе въ церкви». Итакъ, расколомъ называется отдѣленіе отъ православной церкви не изъ-за вѣры, какъ бываетъ въ ереси, а изъ-за предметовъ и вопросовъ церковныхъ, о которыхъ отдѣляющіеся или раскольники, имѣютъ неодинаковое мнѣніе съ православными ⁸⁾.

⁸⁾ Кромѣ еретиковъ и раскольниковъ св. Василій Великій въ 1 своемъ правилѣ называетъ еще видъ церковнаго раздѣленія: самочинныя сборища (по Кормчей подцерковники). Самочинныя сборища — это такія собранія, которыя составляются

Православная церковь отпадшихъ отъ нея въ XVII вѣкѣ изъ-за книжнаго исправленія людей, именующихся старообрядцами, считаетъ и называетъ раскольниками. Самые звуки этого названія говорятъ, что старообрядчество состоитъ изъ такихъ христіанъ, которые нѣкогда въ лицѣ своихъ предковъ раскололись съ православною церковію и, живъ сперва въ ея материнскомъ домѣ, какъ блудныя дѣти, ушли потомъ на страну далече. Въ этомъ названіи церковь точно выражаетъ свой взглядъ на нихъ или свое сужденіе о нихъ, отвѣчаетъ на вопросъ, за кого она ихъ считаетъ: не за своихъ, т. е. не за вѣрныхъ ей чадъ, не за православныхъ, не за еретиковъ, т. е. не за вовсе чуждыхъ ей по вѣрѣ, но именно за раскольниковъ, т. е. за такихъ отщепенцевъ или отпадшихъ отъ нея христіанъ, которые раздѣлились съ нею изъ-за «нѣкоего незнаемаго вопрошенія». И дѣйствительно люди, начавшіе расколъ, были той же вѣры, что и православная церковь и не измыслили какой-либо ереси, раздѣлились же они съ церковію изъ-за вопроса о исправленіи богослужбныхъ

пресвитерами, или епископами, осужденными за грѣхъ и удаленными отъ священнослуженія, но не покаранными состоявшему о нихъ суду. Но такъ какъ у составляющихъ самочинныя сборища или у подцерковниковъ нѣтъ своихъ особыхъ мнѣній ни относительно вѣры, ни относительно какихъ-либо вопросовъ церковныхъ и не покарываются они собственно своему духовному начальству по личнымъ чувствамъ гордости и надменности (Карѣ 10), то и нельзя ихъ въ строгомъ смыслѣ считать отдѣляющимися отъ самой церкви, какъ отдѣляются еретики и раскольники, хотя въ нѣкоторыхъ правилахъ такіа лица и называются прямо раскольниками (Карѣ 10, 11), какъ называются же раскольниками и такіа лица, которые отдѣляются отъ высшихъ себя іерарховъ по зазрѣнію ихъ во грѣхахъ, раньше соборнаго суда надъ ними, считая ихъ недостойными церковнаго общенія и посему презирая возношенія ихъ имевъ въ молитвахъ (Двукр. 13, 14, 15); очевидно и тѣ и другіе называются раскольниками не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ слово расколъ св. Василій Великій, и ихъ скорѣе, сообразно его опредѣленію, слѣдуетъ отнести къ подцерковникамъ, а собранія ихъ къ самочиннымъ, а не раскольническимъ сборищамъ. Да и вообще должно замѣтить, что слова ересь и расколъ не всегда употребляются въ томъ точномъ смыслѣ, какой придаетъ имъ св. отецъ. Такъ одни и тѣ же наватіане или кавары—чистые имъ называются раскольниками, а другіи отцами и соборами—еретиками (Феоф. 12, II Всел. 7, VI Всел. 95, Лаод. 7; о донатистахъ говорится то какъ о еретикахъ, то какъ о раскольникахъ отщепенцахъ (Карѣ. 104). И греческое слово ересь, вошедшее безъ перевода во всѣ языки христіанскихъ народовъ, понимается обыкновенно, какъ лжеученіе и расколъ, а еретикъ, какъ раскольникъ, т. е. между понятіями ересь и расколъ обычно не дѣлается точнаго различія и они нерѣдко употребляются одно вмѣсто другого.

книгъ и обрядовъ, бывшемъ при патриархѣ Никонѣ, которое церковь признала дѣломъ добрымъ, а они усмотрѣли въ немъ еретичество; спасая свое православіе отъ мнимой ереси и во имя отождвляемыхъ ими съ православіемъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, они отдѣлились отъ церкви, составивъ отдѣльное отъ нея, раскольническое общество, которое затѣмъ и само раскололось на много враждебныхъ между собою партій. — Здѣсь должно сдѣлать одно замѣчаніе, или одну оговорку. — Въ продолженіи своего раздѣльнаго съ церковію существованія и при внутреннемъ распаденіи старообрядческій расколъ, особенно въ толгахъ безпоповщинскихъ, дошелъ до потери чистаго и цѣлостнаго православія: ибо какъ можно назвать православнымъ ученіе, общее всему расколу, что православная вселенская церковь можетъ существовать безъ апостольскаго преемства въ лицѣ епископовъ, или въ частности безпоповщинское ученіе, что она можетъ существовать и вовсе безъ Христомъ преданнаго ей священства и что спасеніе возможно безъ благодати таинства святаго Причащенія, въ вѣчность совершенія котораго безпоповцы вѣрятъ? Эти и подобныя крайности въ понятіяхъ старообрядцевъ образовались вопреки тому ихъ принципу сохраненія православія, во имя котораго они отдѣлились отъ церкви, заподозрѣвъ ее самое въ еретичествѣ, образовались изъ желанія оправдать и защитить свое наличное положеніе внѣ церкви безъ епископства, или и вовсе безъ священства и, такъ сказать, невольно. Зная это, церковь все еще смотритъ на нихъ тѣми глазами, какими смотрѣла въ моментъ отдѣленія ихъ отъ нея, когда у нихъ дѣйствительно была одна и таже вѣра, что и у ней самой, и они рознились отъ ней только взглядомъ на богослужебныя книги и обряды, и считаетъ ихъ только раскольниками. Таковъ взглядъ на нихъ всей церкви, такъ и каждаго отдѣльнаго ея члена. Въ самомъ дѣлѣ, если я твердо вѣрую и ясно сознаю, что принадлежу къ церкви воистину православной, то какъ же

иначе, какъ не раскольниками, я могу считать старообрядцевъ, которые отдѣляются отъ этой православной церкви и считаютъ ее не православной, но еретической?

Названіе старообрядцевъ раскольниками есть названіе, согласно съ ученіемъ Св. Писанія, строго каноническое. И древняя церковь, передъ голосомъ которой благоговѣемъ и мы, и старообрядцы, отпавшихъ отъ нея по причинамъ, подобнымъ тѣмъ, изъ-за которыхъ отпали наши старообрядцы, называла раскольниками, какъ отпавшихъ по причинамъ другого характера называла еретиками. И конечно, никто изъ старообрядцевъ не посмѣетъ признать эти ея названія невѣжливыми или оскорбительными для самихъ отпавшихъ. Православная церковь считаетъ старообрядцевъ раскольниками и такъ и называетъ ихъ, и въ этомъ названіи ихъ нѣтъ ни обиды имъ, ни какой-то грубости или невѣжливости, а только, какъ мы и раньше сказали, точное опредѣленіе отношенія къ нимъ церкви, отвѣтъ на вопросъ, за кого она ихъ почитаетъ.

Старообрядцы однако протестуютъ противъ нашего названія ихъ раскольниками. Но ихъ протестъ не основателенъ. Мы не можемъ не считать ихъ раскольниками. Вѣдь и мы и они находимся въ дѣйствительномъ религіозномъ раздѣленіи одни съ другими и каждая сторона считаетъ себя православною церковію; но православная церковь едина,— значить, кто-нибудь изъ насъ двоихъ да есть же раскольникъ, а не обои мы одинаково православны. Претензія старообрядцевъ, что бы мы не считали ихъ за раскольниковъ, равносильна тому, что бы мы самихъ себя признали раскольниками, или даже и еретиками, какъ они и считаютъ насъ.⁹⁾ Но

⁹⁾ Разъясненіе неосновательности протеста старообрядцевъ противъ названія ихъ раскольниками читай въ книгѣ академика Голубинскаго „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Изд. 2. Москва, 1905“ въ прим. на 1 страницѣ. Книга эта состоитъ изъ статей, печатавшихся ранѣе, начиная съ 1892 г., въ Богосл. Вѣстникѣ и чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей и нѣкоторыхъ новыхъ. Цѣна ея 1 р. 70 к., съ перес. 2 р. По нашему мнѣнію, книга эта необходимое

церковь никогда не смотрѣла ни на саму себя, ни на отпадшихъ отъ нея глазами этихъ отпадшихъ; такъ и въ отношеніи и старообрядцевъ: себя она считаетъ православною, а ихъ раскольниками, а не наоборотъ.

Понятно, что при личныхъ объясненіяхъ обращаться къ старообрядцу съ названіемъ раскольникъ весьма жестоко, подобно тому, какъ обращаться къ пьяницѣ съ названіемъ пьяница, вмѣсто его собственнаго имени. Пьяница потому и называется пьяница, что онъ пьянствуетъ, и пьянство великій грѣхъ и никто не долженъ быть пьяницей, но все же, говоримъ, называть пьяницу въ лицо пьяницей, вмѣсто собственнаго его имени, не деликатно, невѣжливо. И старообрядца называть раскольникомъ при личномъ обращеніи къ нему, невѣжливо, и такое обращеніе не сулитъ ничего, кромѣ раздраженія и гнѣва со стороны старообрядца. Но совсѣмъ иное дѣло, когда рѣчь идетъ о старообрядцахъ въ ихъ отсутствіи, или даже и при нихъ, но когда говорятъ о нихъ въ третьемъ лицѣ, или даже имъ самимъ излагаютъ православный взглядъ на характеръ ихъ отношеній и церкви и церкви къ нимъ: тогда вполне умѣстно, а иногда даже и необходимо употреблять названія: расколъ, раскольники. Вѣдь и старообрядцы, когда высказываютъ свое понятіе о насъ, о нашей вѣрѣ и церкви, употребляютъ наименованія: ересь, еретики; они даже и при личномъ обращеніи съ православными употребляютъ почти при каждой бесѣдѣ эти наименованія, что, какъ и они должны согласиться, дѣйствительно невѣжливо и не деликатно. Мы считаемъ старообрядцевъ раскольниками, они насъ еретиками. При умѣстномъ употребленіи этихъ наименованій, не можетъ быть и вопроса объ ихъ обидности или невѣжливости, но только о вѣрности и справедливости примѣненія къ намъ и къ старообрядцамъ выражаемыхъ ими понятій: т. е. дѣйствительно ли мы еретики, дѣйствительно

пособіе для миссіонеровъ и всѣхъ защитниковъ церкви отъ раскольническихъ на нее обвиненій.

ли старообрядцы раскольники? Или иначе сказать, на чьей сторонѣ, послѣ нашего взаимнаго раздѣленія, осталась истинная православная Христова церковь? Въ рѣшеніи этого вопроса весь смыслъ нашей полемики съ старообрядцами. Но мы вѣруемъ, что церковь, принявъ исправленные при патріархѣ Никонѣ книги и обряды, нисколько не погрѣшила въ вѣрѣ и осталась вполне православною, и посему старообрядцы, обвинивъ ее въ ереси и отдѣлившись отъ нея, оказались раскольниками. Это наше наименованіе ихъ, при нашей вѣрѣ въ полную православность нашей церкви, вполне справедливо и законно.

Но что же значить, что въ Высочайшемъ указѣ дѣйствительно старообрядцамъ присвоено именно это наименованіе взамѣнъ употреблявшагося доселѣ наименованія раскольниковъ? Седьмой пунктъ указа, гдѣ содержится повелѣніе объ этой замѣнѣ наименованія, имѣетъ прямую связь съ пунктомъ пятымъ; по пятому же пункту оказывается, что наименованіемъ «расколъ» до указа назывались въ законѣ (т. е. въ гражданскомъ) не только старообрядцы, но и вообще отступники отъ православія, т. е. и молокане, и духоборы, и штундисты, и даже хлысты и скопцы,—для гражданского закона все это были раскольники. Значить, въ то время, какъ и въ обычномъ словоупотребленіи, и въ литературѣ, и въ церковныхъ документахъ слово раскольники примѣнялось только къ старообрядцамъ, а другіе отступники отъ православія обычно назывались сектантами, въ гражданскомъ законѣ слово раскольникъ не имѣло такой опредѣленности и точности: раскольниками назывались не одни старообрядцы, но и всѣ вообще отпадшіе отъ православія. Теперь же въ законѣ устанавливается различіе между этими разнохарактерными вѣроученіями чрезъ раздѣленіе ихъ на три группы: старообрядчество, сектантство и послѣдователи изуверныхъ ученій, самая принадлежность къ какому наказуема въ уголовномъ порядкѣ (п. 5), тогда какъ послѣдователи первыхъ двухъ, уравненные

нынѣ въ дарованныхъ имъ правахъ (п. 6), подвергаются законной отвѣтственности только въ случаяхъ нарушенія ими законовъ изъ религіозныхъ побужденій (п. 6); при чемъ принадлежащимъ къ первой группѣ вмѣсто прежняго ихъ и въ тоже время общаго для всѣхъ вообще отпадшихъ отъ православія наименованія раскольниковъ присвоится наименование старообрядцы (п. 7). Итакъ, что же? Отрицаетъ ли указъ, что старообрядцы суть раскольники? Нѣтъ, онъ это утверждаетъ, потому что въ число вѣроученій, обнимаемыхъ въ законѣ наименованіемъ расколъ, онъ включаетъ и старообрядскіе толки и согласія (п. 5, 6 и 7). Для чего же указъ послѣдователямъ этихъ толковъ и согласій присвоитъ наименование именно старообрядцевъ, взамѣнъ прежняго ихъ наименованія раскольники? Для того, чтобы отличить въ законѣ эту группу раскольниковъ отъ двухъ другихъ группъ, отъ сектантовъ и послѣдователей изувѣрныхъ ученій, которыя такъ же доселѣ не имѣли въ законѣ своего собственнаго наименованія, а назывались общимъ для всѣхъ отпавшихъ отъ православія наименованіемъ раскольники, какъ и старообрядцы. Теперь для большей точности для каждой изъ трехъ группъ, на которыя раздѣлены въ указѣ отпавшіе отъ православія, введено свое особое наименование, т. е. три вмѣсто одного прежняго, а это прежнее, общее всѣмъ отпадшимъ, наименование раскольниковъ, упразднено.

Наименованіе старообрядцы, присвоенное нынѣ указомъ самой большей по числу послѣдователей группъ, нельзя считать терминомъ или наименованіемъ, совершенно чуждымъ доселѣ русскому законодательству: впервые оно читается въ рескриптѣ Екатерины II отъ 13 августа 1785 г. на имя князя Потемкина по поводу поселенія старообрядцевъ въ Таврическую губернію, и съ тѣхъ поръ постоянно употреблялось въ цѣломъ рядѣ Высочайшихъ повелѣній и даже въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ послѣдняго времени. Такое названіе однихъ и тѣхъ же по вѣрѣ лицъ въ официальныхъ и

даже законодательныхъ актахъ то раскольниками, то старообрядцами не должно казаться удивительнымъ, потому что названія раскольниковъ и старообрядецъ не заключаютъ въ себѣ противорѣчивыхъ понятій, но первое изъ нихъ есть названіе общее или родовое, а второе частное или видовое, (раскольниковъ, какъ и еретиковъ, много видовъ, а не одни наши старообрядцы), и одинъ актъ, называвшій извѣстныхъ лицъ раскольниками, этимъ названіемъ говорилъ объ отношеніи ихъ къ православной церкви, другой же актъ, подразумѣвая общеизвѣстное, что эти лица въ отношеніи къ церкви именно раскольники, называлъ ихъ частнѣйшимъ или видовымъ именемъ раскола,—старообрядцы, говорящимъ о характерныхъ особенностяхъ этого вида раскола.

Конечно, указъ могъ бы и теперь сохранить въ гражданскомъ законѣ за старообрядцами старинное ихъ наименованіе раскольники, подъ которымъ долгое время, когда не было новыхъ отпаденій отъ церкви, только одни они въ немъ и разумѣлись, а необходимая для закона точность и опредѣленность могла бы быть достигнута чрезъ оставленіе этого наименованія исключительно за одними старообрядцами и чрезъ введеніе въ законъ для прочихъ, отпавшихъ отъ церкви уже впослѣдствіи, взамѣнъ этого, первоначально только старообрядческаго, но потомъ перенесеннаго и на нихъ, общаго наименованія раскольники, тѣхъ самыхъ наименованій, какія и дѣйствительно введены для нихъ указомъ; и тогда, какъ и теперь, для каждой изъ трехъ группъ, на которыя указомъ раздѣлены различныя вѣроученія, обнимаемыя нынѣ словомъ расколъ, были бы въ законѣ свои особыя наименованія, а именно: расколъ (вмѣсто незаконнаго теперь старообрядчество), сектанство и послѣдователи изувѣрныхъ ученій. Но на исключеніе изъ закона и на отміну наименованія старообрядцевъ раскольниками имѣли вліяніе прежнія и новыя ходатайства о сей отмінѣ самихъ старообрядцевъ, почитающихъ это наименованіе для нихъ уничижительнымъ и оскор-

бительнымъ: вѣдь имъ приходилось въ официальныхъ случаяхъ, и устно и письменно, не только отъ другихъ получать наименованіе раскольниковъ, но и самимъ себя такъ называть. Московскіе безпоповцы, прося, какъ и другіе, узаконить за ними наименованіе старообрядцы, довольно основательно указывали на то, что всѣ отпадшія отъ Грековосточной церкви общества въ законахъ Русскаго государства называются не такъ, какъ о нихъ понимаетъ эта церковь, а такъ, какъ они сами себя называютъ, наприм. католики называются именно католиками, лютеране лютеранами, и лишь одни старообрядцы называются не своимъ собственнымъ именемъ, какимъ сами себя называютъ, а тѣмъ именемъ, какимъ называетъ ихъ церковь; и они просили уравненія ихъ съ прочими христіанами въ отношеніи наименованія ихъ въ гражданскомъ законѣ ихъ собственнымъ именемъ. Эти ходатайства уважены и за ними узаконено теперь желанное ими наименованіе.

Кажется, что и вообще въ указѣ проводился принципъ, на который указывало безпоповщинское прошеніе, какъ это можно видѣть и по возбраненію именовать впредь ламаитовъ въ официальныхъ актахъ язычниками и идолопоклонниками (п. 16). Но если такъ и если слово раскольники устранено изъ закона для того, что бы избавить старообрядцевъ отъ кажущагося имъ оскорбительнымъ чужого для нихъ наименованія, то равнымъ образомъ никакъ не должно было вводить въ законъ и слова сектавты, потому что никакіе сектанты такъ себя не называютъ и потому что иностранное слово сектантъ въ сущности равнозначуще русскому слову раскольникъ¹⁰⁾ и такъ же оскорбительно для какого-либо штундиста, какъ и названіе раскольникъ для какого-либо обружника, ибо ни тотъ, ни другой не

¹⁰⁾ *Sectie*, секта, расколъ, ересь; *Sectirer*, сектантъ, раскольникъ, еретикъ. *Secte*, секта, толкъ, расколъ, ересь; *Sectaire*, сектантъ, раскольникъ; *Sectateur*, послѣдователь секты, приверженецъ, сектантъ. (Выписка изъ Полныхъ Словарей нѣмецко-русскаго и французско-русскаго Макарова).

считаютъ свои религіозныя общества, къ которымъ принадлежать, сектою, или расколомъ, но самую настоящею Христовою церковію, а самихъ себя не сектантами, не раскольниками, но самыми истинными христіанами. Черезъ введеніе въ законъ наименованія сектанты предполагаемый принципъ въ указъ нарушенъ и сектантамъ, если и они разсуждаютъ такъ, какъ старообрядцы, нанесена обида, только что снятая со старообрядцевъ и ламаитовъ.

Старообрядцы ходатайствовали и исходатайствовали себѣ это наименованіе вмѣсто наименованія раскольники, которое казалось имъ оскорбительнымъ. Но если бы они вдумались, какъ должно, въ это излюбленное ими наименованіе старообрядцы, они увидѣли бы, что и оно унижаетъ ихъ, ибо называетъ ихъ не по вѣрѣ во Христа, а по богослужебному обряду, т. е. отличаетъ ихъ въ пристрастіи къ этому обряду и въ предпочтеніи его самой вѣрѣ. Церковь—предметъ вѣры христіанина, живое и благодатное общество вѣрующихъ во Христа людей, его мать и кормилица, хранительница и наставница, есть создательница и установительница своихъ богослужебныхъ обрядовъ и потому властная въ нихъ, и она, по соборнѣ признанной потребности, можетъ улучшать и исправлять свои временныя и мѣстные обряды, и христіанинъ съ вѣрою и любовію долженъ эти исправленія принимать. Названіе старообрядцы говоритъ, что для именующихся этимъ названіемъ не столько дорога истинная вѣра, сколько эти такъ называемые старые обряды. Оно показываетъ, что старообрядцы не различили, но смѣшали и уравнили боготкровенную вѣру и ея вѣчныя истины съ человѣческими обычаями и обрядами и возвели ихъ въ догматы, потому что такое именно неразумное пристрастіе ихъ къ обрядамъ и неразличеніе ихъ отъ самой вѣры и ея догматовъ и были причиной порицанія ими церкви, исправившей эти такъ называемые старые обряды: это исправленіе было сочтено ими (ихъ предками) за измѣ-

ну и нарушеніе вѣры, а принятіе церковію исправлен-ныхъ обрядовъ за принятіе ею ересей, по страху передъ которыми они и отдѣлились отъ нея, неволью совершивъ черезъ то страшный грѣхъ раскола. Итакъ, это слово заключаетъ въ себѣ обличительный для старообрядцевъ смыслъ, хотя они и не чувствуютъ этого обличенія и даже хвалятся этимъ именемъ. Въ сущности слово старообрядцы звучитъ даже болѣе осуждающимъ тономъ, нежели слово раскольники, ибо раскольниками старообрядцевъ считаютъ другіе, — и они полагаютъ, что ошибочно, — старообрядцами же они называютъ себя сами: отъ осуждающаго смысла этого названія имъ некуда уйти.

Но какъ бы ни понимать смыслъ слова старообрядецъ и какъ бы ни относиться къ повелѣнію указа отъ 17 апрѣля о замѣнѣ прежняго и общаго со всѣми отпадшими отъ церкви наименованія старообрядцевъ раскольниками, во всякомъ случаѣ это, доселѣ только народное и обычное, наименованіе теперь, послѣ 17 апрѣля, принято въ законъ и должно стать официальнымъ ихъ наименованіемъ, подъ которымъ они и будутъ жить въ Русскомъ государствѣ. Указъ, опредѣливъ сравнительно новое положеніе старообрядцевъ, равно какъ и сектантовъ въ государствѣ, далъ имъ и эти новыя для нашего гражданскаго закона наименованія. Высочайшій указъ обязателенъ для всѣхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества или для всѣхъ гражданъ Русскаго государства и отнынѣ наименованіе старообрядцы должно быть употребляемо во всѣхъ касающихся старообрядцевъ документахъ и официальныхъ актахъ, гдѣ раньше, до 17 апрѣля, не только можно, но и должно было употреблять наименованіе раскольники и даже наоборотъ нельзя было писать слова старообрядецъ, какъ не признаннаго въ законѣ.

Но имѣющій всю силу для государства, указъ имѣетъ силу и для церкви, поскольку она находится въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ государству. Посему во

всѣхъ актахъ, имѣющихъ церковно-государственное значеніе, каковы, напр., метрики, исповѣдныя росписи, должно отнынѣ употреблять вмѣсто слова раскольникъ слово старообрядецъ; точно также въ наименованіяхъ братствъ, миссіонеровъ и подобныхъ учрежденій и должностей, имѣющихъ общественный и признанный правительствомъ характеръ, гдѣ пишется слово противораскольнической, это слово должно быть замѣнено теперь словомъ противостарообрядческой ¹¹⁾. Конечно, мы высказываемъ наше личное мнѣніе; навѣрное, послѣдуетъ и распоряженіе церковной власти и по этому вопросу, какъ уже были отъ нея разъясненія или распоряженія по другимъ вопросамъ, вызываемымъ указомъ, — разъясненія, особенно желанныя для священниковъ тѣхъ приходоу, гдѣ есть старообрядческой расколъ ¹²⁾.

Но эта замѣна наименованія раскольникъ наименованіемъ старообрядецъ, произведенная указомъ 17 апрѣля и обязательная не только для государства, но отчасти и для церкви, не должна подавать повода старообрядцамъ къ перетолкованію ея въ смыслѣ воз-

---

11) Задолго до указа 17 апрѣля, еще въ июлѣ 1904 г., Владыка-митрополитъ, по моей просьбѣ, благословилъ мнѣ не употреблять въ моемъ титулѣ прилагательнаго противораскольнической, какъ возбуждающаго недоброжелательство въ старообрядцахъ, не замѣнивъ его однако и словомъ противостарообрядческой, хотя въ Москвѣ есть и противосектантскій епархіальный миссіонеръ. Распределеніе специальностей между миссіонерами можно совсѣмъ не обозначать въ ихъ титулахъ, онѣ могутъ быть точно означены въ указахъ объ ихъ назначеніи.

12) По разъяснительному опредѣленію Св. Синода (Церк. Вѣд. 1906 г. № 4), въ исповѣдныя росписи, которыя ведутся лишь о людяхъ православнаго исповѣданія, за воспослѣдованіемъ разсматриваемаго указа, не представляется основаній включать старообрядцевъ и сектантовъ (т. е. ихъ больше не нужно писать въ этихъ росписяхъ).

Для совершенія брака лицъ православнаго и принадлежащаго къ старообрядчеству, безъ присоединенія послѣдняго къ церкви, что дозволяется 11 пунктомъ указа, священникъ раньше троекратнаго оглашенія долженъ востребовать отъ принадлежащаго къ старообрядчеству лица предбрачное о немъ свидѣтельство старообрядческаго наставника, или удостовѣреніе полиціи о вѣнчанномъ его состояніи и правоспособности къ вступленію въ бракъ, а также подписку въ томъ, что оно не будетъ поносить своего супруга за православіе и что рожденныя въ семь братѣ дѣти будутъ крещены и воспитываемы въ правилахъ православнаго исповѣданія. Также должно поступать и относительно смѣшанныхъ браговъ православныхъ съ сектантами. Но разрѣшаютъ такіе браки епархіальныя начальства, а не сами священники, въ чемъ значительное неудобство опредѣленія Св. Синода по этому вопросу (Церк. Вѣд. 1905 г. № 47).

величія раскола надъ православіемъ. Дѣйствительно, теперь отмѣнено прежнее ихъ наименованіе раскольники, но это, какъ мы видѣли, сдѣлано во-первыхъ для достиженія точности и опредѣленности закона, въ которомъ доселѣ этимъ именемъ назывались не только одни старообрядцы, но и всѣ вообще приверженцы разнохарактерныхъ ученій, отпавшіе отъ православія, а во-вторыхъ для того, чтобы избавить старообрядцевъ отъ казавшагося имъ оскорбительнымъ наименованія раскольники, а вовсе не для того, чтобы показать, будто государство перестало считать старообрядцевъ дѣйствительными раскольниками. Государство вгдѣ не объявляло, что старообрядцы больше не раскольники; да оно и не можетъ никогда сего сдѣлать по самому своему существу, ибо расколъ есть явленіе религиозное, и первое и единственно авторитетное сужденіе объ отношеніи къ нему церкви принадлежитъ церкви же, а не государству. Государство не можетъ старообрядцевъ изъ раскольниковъ, за каковыхъ признаетъ ихъ церковь, превратить въ не—раскольниковъ, т. е. въ еретиковъ, или въ православныхъ. Указъ же 17 апрѣля, какъ мы видѣли, рѣшительно утверждаетъ, что старообрядцы—одна изъ раскольническихъ группъ, и не пытается дать какого-либо новаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между ними и церковію; у него, повторимъ, и цѣли подобной быть не могло, ибо онъ опредѣляетъ новое отношеніе къ старообрядчеству не церкви, но государства. Если же, не смотря на всю нелѣпость предположенія, логика старообрядцевъ будетъ строить такое умозаключеніе: царь не велѣлъ писать насъ раскольниками, значитъ мы и не раскольники и онъ призналъ насъ православными; то слабость этого умозаключенія можетъ быть показана противопоставленіемъ ему другого умозаключенія: въ томъ же указѣ (п. 16) царь не велѣлъ ламаитовъ писать идолопоклонниками и язычниками, значитъ они и не идолопоклонники и не язычники. Но какъ изъ того, что лама-

иты не будутъ больше писаться въ официальныхъ актахъ идолопоклонниками и язычниками, не слѣдуетъ однако, что они и дѣйствительно не идолопоклонники и не язычники; такъ точно и изъ того, что старообрядцы не будутъ больше именоваться въ такихъ же конечно актахъ раскольниками, не выходитъ, что они и на самомъ дѣлѣ не раскольники. — Старообрядцы въ указѣ названы собственнымъ именемъ своего раскола съ церковью. Названіе же отпадшихъ отъ церкви однимъ частнымъ или видовымъ именемъ ихъ ереси или раскола, безъ прибавленія общаго или родоваго имени, было употребительно и у св. отцовъ и въ соборныхъ правилахъ; изъ послѣднихъ укажемъ для примѣра на правила 8 и 19 перваго вселенскаго собора и на правила 77—80, 102, 103 и 105 собора Карфагенскаго, гдѣ о чистыхъ, павлиціанахъ и донатистахъ говорится безъ прибавленія къ этимъ ихъ именамъ словъ еретики, или раскольники. Но изъ того, что въ этихъ даже чисто церковныхъ актахъ поименованные сектанты не названы ни еретиками, ни раскольниками, никто не выведетъ заключенія, что они были православные; такъ точно и изъ названія старообрядцевъ въ Высочайшемъ указѣ и въ другихъ гражданскихъ и церковно-гражданскихъ актахъ этимъ частнымъ именемъ ихъ раскола невозможно дѣлать заключенія, что они не раскольники, а православные.

Понятно также само собою, что называя послѣдователей извѣстныхъ толковъ и согласій старообрядцами, указъ не хочетъ сказать, что по сему самому православные суть новообрядцы, какъ въ послѣднее время, но еще задолго до указа, стали съ особенною охотой называть православныхъ въ своихъ сочиненіяхъ старообрядческіе писатели. Подобно тому, какъ древнія правила соборовъ и св. отцовъ, употребляя относительно наватіанъ ихъ собственное названіе чистые или по-гречески—кавары (1 Всел. 8, Вас. Вел. 1, по Книгѣ правилъ), не говорятъ черезъ то, что сами православные нечистые, такъ точно и Высочайшій указъ 17 апрѣля, называя одну изъ рас-

больническихъ группъ старообрядцами, употребляетъ относительно ихъ наименованіе, какимъ они и сами себя называютъ и подъ какимъ извѣстны въ народѣ; въ этомъ наименованіи нѣтъ и нельзя искать никакого указанія на обряды православной церкви.

Интересно, что старообрядцы, которые даже предъ правительствомъ ходатайствовали, чтобы ихъ называли и въ законѣ именно такъ, какъ сами они себя называютъ, въ отношеніи къ церкви и православнымъ не держатся этого принципа и поступаютъ вопреки заповѣди Спасителя: вся, елика аще хотите, да творятъ вамъ челоувѣцы, такъ и вы творите имъ (Матѣ. 7, 12), потому что они, особенно въ лицѣ своихъ писателей, называютъ православную церковь новообрядческою, а ея членовъ новообрядцами, т. е. такимъ именемъ, какимъ православная церковь и ея чада сами себя никогда не называютъ. Это имя совершенно не извѣстно и чуждо православію.

Что можно разумѣть подъ именемъ новообрядцы? Слово обрядъ какъ древніе, такъ и современные старообрядцы въ своей массѣ понимали и понимаютъ, какъ слово вѣра, и поему наименованіе старообрядцы, по ихъ пониманію, означаетъ людей, содержащихъ старую и истинную вѣру или старовѣровъ, сущихъ православныхъ христіанъ. Сообразно съ этимъ пониманіемъ въ устахъ старообрядцевъ и подъ перомъ старообрядческихъ писателей, отлично понимающихъ толпу, для которой они пишутъ, и знающихъ ея языкъ, слово новообрядцы означаетъ людей, у которыхъ вѣра не старая, а новая, не истинная а ложная, или людей не православныхъ, а еретиковъ, не христіанъ, а никоніанъ. Это—то же самое пониманіе, какое выражено въ словахъ Соловецкой челобитной, что Никоновы ученицы проповѣдуютъ вѣру новую, незнаемую, ея же не дай Боже и помыслити, хотя разница между челобитчиками и вообще хранителями «старой» вѣры и этими будто-бы Никоновыми учениками состояла не въ разной вѣрѣ, а главнымъ

образомъ въ разномъ сложеніи трехъ перстовъ въ честь той же единой нераздѣльной Троицы, въ которую обѣ стороны одинаково вѣровали.

Но слово обрядъ имѣетъ свой собственный смыслъ, отличный отъ слысла слова вѣра. Обрядъ есть внѣшнее выраженіе религиозныхъ мыслей и чувствъ; какъ показываетъ самое слово, онъ есть то, чѣмъ обряжается, или украшается вѣра, какъ бы то же для вѣры, что одежда для дѣла. Понятно само собою, сколь нуженъ обрядъ; но столь же понятно и то, что обрядъ не дороже и не важнѣе самой вѣры, какъ тѣло не дороже и не главнѣе одежды. И какъ человѣкъ старается улучшить свою одежду, такъ церковь всегда имѣла стремленіе украсить свои обряды. Измѣненіе обрядовъ — въ самой ихъ природѣ, и исторія церкви свидѣтельствуетъ о законности этого исправленія.

И несомнѣнно, что и между старообрядцами есть люди, знающіе этотъ собственный смыслъ слова обрядъ, и сами старообрядческіе писатели, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, употребляющіе слово новообрядцы, понимаютъ это слово не такъ, какъ понимаетъ его толпа, а въ собственномъ его смыслѣ, и весьма жаль, что они, употребляя по разному понимаемое слово, допускаютъ двусмысліе, вмѣсто того, чтобы разъяснить толпѣ истину. При правильномъ пониманіи слова обрядъ названіе старообрядцами православной церкви новообрядческою говорило бы лишь о сравнительной, по ихъ понятію, древности обрядовъ, употребляемыхъ старообрядцами и церковію, даже не касаясь прямо сравнительнаго достоинства этихъ обрядовъ, а самая вѣра и православіе церкви, имѣющей новые обряды, этимъ названіемъ не зазирались бы. Не сомнѣнно, говоримъ, есть и такіе старообрядцы, съ такимъ понятіемъ; и такому понятію старообрядцевъ о церкви можно только радоваться, потому что они разумнѣе своихъ предковъ и многихъ современниковъ относятся къ церкви. Если бы и всѣ старообрядцы стали понимать слово обрядъ въ подлин-

номъ его смыслѣ, тогда ихъ расколъ съ церковью былъ бы подсѣченъ въ самомъ корнѣ, ибо было бы осуждено основное положеніе ихъ предковъ, что церковь измѣнила самую вѣру Христову; тогда церковь стала бы для нихъ уже не Никоновой, но опять Христовой, не еретической, но православной, не иновѣрной, но единовѣрной, хотя и разнообрядной, т. е. тогда всѣ старообрядцы стали бы на ту точку зрѣнія, на которой стоятъ теперь единовѣрцы, и несомнѣнно, присоединились бы къ ней или безусловно, или на правахъ единовѣрія.

Но хотя въ названіи старообрядцами православной церкви новообрядческою вмѣсто нововѣрной или еретической и можно отчасти усматривать исправленіе старообрядческаго понятія о ней и смягченіе ихъ отношеній къ ней, но все же по существу это названіе несправедливое. — Говоримъ не о спорности утвержденія, будто всѣ такъ называемые старые обряды дѣйствительно древнѣе обрядовъ, введенныхъ въ Московской церкви въ патріаршество Никона, но по существу. Оно было бы разумно лишь въ томъ случаѣ, если-бъ и Грекороссійская церковь, подобно старообрядческимъ сектамъ, отождествляла обрядъ съ вѣрой и изъ-за него ушла бы изъ вселенской церкви, какъ ушли изъ нея старообрядцы. Но православная Русская церковь, какъ до Никона, такъ и нынѣ состоитъ въ единствѣ вѣры со вселенскою церковію и считаетъ себя преемницей церкви временъ первыхъ нашихъ патріарховъ, когда у насъ въ Москвѣ употреблялись нѣсколько отличные обряды, чѣмъ употребляются теперь, да и сама она въ своемъ единовѣрїи имѣетъ эти самые обряды, свидѣтельствуя самымъ дѣломъ, что, по ея разуму, единству вѣры не препятствуютъ разные обряды. — Представимъ, что при учрежденіи единовѣрія или потомъ, по его учрежденіи, явились въ числѣ православныхъ такіе ревнители общецерковныхъ обрядовъ, которые стали бы говорить, что дозволенные въ единовѣрїи обряды — раскольническіе, еретическіе, и церковь, дозволивъ ихъ, сама впала въ

ересь, и потому должно отъ нея отдѣлиться. Представимъ далѣе, что эти люди не только такъ разсудили, но и поступили по своему разсужденію и дѣйствительно по этой причинѣ отдѣлились отъ церкви и образовали особую, новую раскольническую секту. Такъ какъ причиной ихъ отдѣленія отъ церкви было бы ихъ мнѣніе, что безъ исправленныхъ или такъ называемыхъ новыхъ обрядовъ не возможно быть православными и употребленіе всякихъ иныхъ обрядовъ, или даже одно дозволеніе этихъ иныхъ обрядовъ есть впаденіе въ ересь, еретичество, то эту предполагаемую секту было бы вполне правильно назвать сектою новообрядцевъ или новообрядческою, потому что знаменемъ ея раздора съ церковію являлись бы новые обряды, точь-въ-точь, какъ у старообрядцевъ такимъ знаменемъ являются обряды старые. Только этой воображаемой сектѣ можно бы съ полнымъ правомъ придать имя новообрядческой. Но какъ называть такимъ именемъ православную церковь, которая ничѣмъ и нисколько не даетъ повода къ такому уподобленію ея этой воображаемой сектѣ, или нашимъ старообрядцамъ? Вѣроятной причиной изобрѣтенія такого неподходящаго къ ней наименованія служило у изобрѣтшихъ его старообрядцевъ сужденіе по себѣ: они, такъ сказать, измѣрили церковь на свой аршинъ. Но церкви чуждъ разумъ и духъ раскольническаго, или еретическаго обрядовѣрія и имя, взятое отъ обрядовъ старыхъ, или новыхъ, ей вовсе не къ лицу. Она носитъ имя не человѣка и не человѣческаго обычая или обряда, но создавшаго ее и спасшаго ее Своею честною кровію Сына Божія и имя чистой, неповрежденной заблужденіями, своей вѣры въ Него: она есть церковь Христова, православная; ни старообрядческой, ни новообрядческой ее не должно и нельзя называть.

Итакъ, повелѣніе Государя въ указѣ 17 апрѣля именовать старообрядцевъ не общимъ для всѣхъ отпадшихъ отъ церкви именемъ раскольниксвъ, какъ они именовались прежде, но однимъ частнымъ и собственнымъ

ихъ именемъ, старообрядцевъ, и, какъ слѣдствіе этого повелѣнія, такое именованіе ихъ въ законахъ государства, въ гражданскихъ и церковно-гражданскихъ документахъ и актахъ не должны быть понимаемы и толкуемы старообрядцами въ томъ смыслѣ, что теперь государство и даже сама церковь считаютъ ихъ больше не раскольниками, но православными и что они могутъ по праву называть ее церковію новообрядческою, — указъ не даетъ къ такому пониманію и толкованію никакого основанія. Государство и послѣ указа признаетъ православную церковь господствующей и православной, а старообрядцевъ отпадшими отъ нея, т. е. раскольниками.

И церковь, какъ и государство, нигдѣ не возвѣстила, что она перемѣнила свой взглядъ на старообрядцевъ. Указъ 17 апрѣля, косвенное значеніе котораго для церкви мы отмѣтили, не имѣетъ для нея прямого значенія. Свои отношенія къ отпадшимъ отъ нея церковь опредѣляетъ не царскими указами, а своимъ собственнымъ судомъ, изрекаемымъ на соборахъ. О старообрядцахъ ею былъ изреченъ судъ на Великомъ Московскомъ соборѣ 1667 года, когда они за свою непокорность и противленіе рѣшенію церкви по вопросу о исправленіи книгъ и обрядовъ и за хулы на нее были подвергнуты ею отлученію и клятвѣ. Съ тѣхъ поръ они, именуемые старообрядцы, стали для церкви и ея членовъ раскольниками.

Измѣнить этотъ взглядъ церкви на старообрядцевъ и заставить православныхъ не считать ихъ больше за раскольниковъ не можетъ никакой указъ. Скажу больше, этого не можетъ сдѣлать даже церковь. Сдѣлать это могутъ только сами старообрядцы. Какъ? Прекративъ свои хуленія на церковь, какъ на зараженную будто бы Антихристовой северною и ересью многими, сознавшись и покаявшись въ грѣхѣ раскола и бросивъ свои толки и согласія, иначе сказать — присоединившись къ ней. Это — единственный путь къ тому, чтобы мы не считали старообрядцевъ за раскольниковъ, другого

нѣтъ. Церковь можетъ только облегчить для старообрядцевъ вступленіе на этотъ путь. Она и нынѣ употребляетъ различныя мѣры къ примиренію съ собою этихъ отторгшихся отъ нея чадъ (миссія, единовѣріе, школы), и нарочито займется изысканіемъ мѣръ къ этому примиренію на предстоящемъ церковномъ соборѣ. Повторимъ слова Государа: да благословить же и умудритъ Господь старообрядцевъ съ полною искренностію идти и пойдти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ православной церкви воссоединить ихъ съ собою! И когда это воссоединеніе совершится, только тогда старообрядцы перестанутъ быть раскольниками, а не раньше.

VI.

Нужна ли послѣ указа миссія?

Въ числѣ недоумѣній, порожденныхъ указомъ 17 апрѣля, намъ, миссіонерамъ, приходилось слышать и такое: конецъ пришелъ теперь вашему дѣлу, — старообрядцы и сектанты получили полную свободу вѣры и на ваши бесѣды, лекціи и проповѣди ходить больше не стануть; съ кѣмъ же вы будете бесѣдовать и для кого ораторствовать и проповѣдывать?! Это недоумѣніе объясняется недостаточно яснымъ представленіемъ о сущности миссіонерскаго дѣла и о веденіи этого дѣла до указа.

Единство вѣры и церкви есть норма, въ обязательность которой вѣруютъ всѣ, именующіе имя Христово. И какъ нераздѣлимъ и единъ есть Самъ Христосъ, также нераздѣлимо и едино должно быть и христіанство, т. е. все вѣрующее въ Него человѣчество. Первымъ увѣровавшимъ въ Него людямъ Христосъ далъ завѣтъ любви и единства. Но въ прямое нарушеніе этого завѣта отъ созданной Имъ святой церкви по временамъ отпадали то одна, то другая часть ея членовъ, такъ что теперь рядомъ съ православной церковью, столпомъ и утвержденіемъ Христовой истины, существуютъ многія, раз-

личающіяся между собою по степени удаленія отъ истины, еретическія и раскольническія секты, именующія себя также церквами. И въ Русскомъ народѣ нѣтъ религіознаго единства, потому что отъ православной церкви, къ которой нѣкогда онъ весь принадлежалъ и къ которой нынѣ принадлежитъ его огромное большинство, отдѣлились послѣдователи именуемаго старообрядчества и сектанства: ихъ разрозненныя и разбившіяся между собою стада бродятъ вокругъ двора православной церкви. Но православная церковь не можетъ забыть этихъ заблудшихъ овецъ; она болѣзнуетъ о нихъ и милосердствуетъ и, подражая своему создателю, Доброму Пастырю, исходитъ навстрѣчу къ нимъ, чтобы разыскать и спасти погибшихъ и воссоединить съ собою отпавшихъ отъ нея. Эта ея дѣятельность въ отношеніи къ заблудшимъ и есть миссіонерская дѣятельность, а лица, которымъ она поручаетъ такую дѣятельность, какъ нарочитое ихъ служеніе, суть миссіонеры.

Миссіонерское дѣло въ дѣйствительности совершаютъ не одни миссіонеры, но и всѣ тѣ, кто какимъ-либо способомъ, словомъ, или дѣломъ, ослабляетъ въ отпавшихъ отъ церкви чувство отчужденія отъ нея, вражды и недовѣрія къ ней и въ ихъ мысляхъ и чувствахъ prepares примиреніе и воссоединеніе съ нею. И есть въ церкви истинные миссіонеры по существу дѣла не только изъ священниковъ и вообще лицъ духовныхъ, но и изъ простыхъ, рядовыхъ вѣрующихъ, которые однако никогда не носили титула миссіонеровъ, ибо сущность миссіонерскаго дѣла не въ титулѣ, но въ дѣятельномъ и живомъ служеніи церкви чрезъ примиреніе съ нею враждующихъ и воссоединеніе отпавшихъ; подобно тому, какъ не только тотъ въ церкви есть пастырь и учитель, кто такъ называется, но и тотъ, кто дѣйствительно наставляетъ христіанъ въ вѣрѣ Христовой, указываетъ имъ Его путь и ведетъ по нему и, не имѣя имени пастыря и учителя, бываетъ имъ на дѣлѣ. Но какъ есть нарочитые пастыри и учителя,

также есть и нарочитые миссіонеры, на дѣло миссіи поставляемые отъ той же церковной власти, отъ которой поставляются и пастыри и учителя. Задача миссіонеровъ состоитъ въ томъ, что бы помогать пастырямъ церкви склигать заблудшихъ овецъ во единый дворъ овчій, да будетъ едино и стадо, какъ есть единъ истинный и первый его Пастырь - Христосъ, и защищать это стадо отъ нападающихъ на него волковъ.

Что же значать разговоры, что миссіонерской дѣятельности въ Россіи пришелъ конецъ съ указомъ 17 апрѣля? Развѣ этотъ указъ объ укрѣпленіи началъ въротерпимости въ Русскомъ государствѣ положилъ конецъ ненормальному состоянію въ христіанствѣ не только во всемъ свѣтѣ, но и въ одной Россіи, на которую онъ простирается? Развѣ съ изданіемъ этого указа не стало въ ней больше ни старообрядцевъ, ни сектантовъ и всѣ они воссоединились съ церковію? Но мы не видимъ, чтобы это блаженное время уже наступило: указъ нисколько не сократилъ ни числа толковъ и сектъ, ни числа принадлежащихъ къ нимъ, и по прежнему въ Россіи рядомъ съ церковію существуютъ отпадшія отъ нея общества. Если же положеніе дѣла осталось прежнее и указъ не прекратилъ религіозной раздробленности въ Русскомъ народѣ, то, очевидно, по прежнему остается широкое поле для миссіонерской дѣятельности православной церкви въ Русскомъ государствѣ. Миссія стала бы ненужною лишь тогда, когда исчезла бы коренная причина, по которой она и возникла, т. е. самое существованіе отпадшихъ отъ церкви толковъ и сектъ. Но эта причина и теперь, какъ и до указа 17 апрѣля, налицо.

На старообрядцевъ и прочихъ отпадшихъ отъ нея сектантовъ церковь смотритъ, какъ на погибающихъ и заблуждающихся, и желаетъ ихъ спасенія. И почему же ей теперь должно прекратить свою миссіонерскую дѣятельность, направленную на ихъ вразумленіе и обраще-

ніе ко спасенію? Развѣ съ 17 апрѣля для православной церкви почему-либо стало безразлично, или даже нежелательно, чтобы отпадшіе отъ нея примирились и воссоединились съ нею? Но находить это примиреніе и воссоединеніе безразличнымъ, или нежелательнымъ могутъ не православная церковь и не принадлежащіе къ ней православные христіане, всѣмъ сердцемъ желающіе этого примиренія и воссоединенія, но только тѣ, у кого потерялось различіе между истиною и заблужденіемъ, между православіемъ и отступленіемъ отъ него, для кого и церковь, и старообрядчество, и сектанство—все равно, или даже послѣднія лучше первой. Но, къ удивленію, рассматриваемое мнѣніе, что теперь миссія должна прекратить свою дѣятельность, высказывается не только безбожниками, не только старообрядцами и сектантами, но и нѣкоторыми православными людьми.

Но и при сознаніи долга наставлять заблудшихъ на путь истины и спасенія, миссія могла бы прекратиться, если бы между членами православной церкви не находилось людей, проникнутыхъ ревностію о спасеніи заблудшихъ и желающихъ принять на себя миссіонерскія обязанности. Мы знаемъ, что этою ревностію горятъ многіе дѣятели миссіи, особенно изъ числа обратившихся въ православіе. Сами переживъ болѣзни раскола, или сектанства и получивъ исцѣленіе отъ нихъ въ познанномъ ими православіи, они желаютъ обрѣтенное ими духовное сокровище передать и бывшимъ своимъ единовѣрцамъ, еще недугующимъ заблужденіемъ, и несутъ имъ свѣтъ разума православной церкви. На дѣло миссіи они смотрятъ, какъ на долгъ передъ Господомъ, просвѣтившимъ ихъ, за что и сами они должны воздать Ему просвѣщеніемъ своихъ еще темныхъ братьевъ. По большей части это—люди съ одною начитанностію, хотя иногда очень обширною и богатою, но ихъ энергія и любовь возмѣщаютъ недостатки полученнаго ими образованія; нѣкоторые изъ нихъ даже извѣстны написанными ими весьма дѣльными сочиненіями.

Не мало миссіонеровъ и изъ природныхъ православныхъ. Нерѣдко это—люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Передъ ними открывалось много путей, но они предпочли миссіонерство всѣмъ другимъ путямъ, не смотря на всю безправность этой должности: вѣдь миссіонеры-міряне, будь они хоть докторами богословія, не имѣютъ правъ даже на пенсію, миссіонеры же священнаго сана лишь въ 1904 году получили это право на общемъ основаніи—за 35-лѣтнюю службу, при чемъ епархіальные сравнены съ штатными протоіереями, уѣздные—съ такими же священниками (Церк. Вѣд. 1904 г. № 4). И слава Богу, нѣтъ никакихъ оснований опасаться, что между православными людьми послѣ 17 апрѣля почему-то вдругъ ослабѣетъ и исчезнетъ ревность о спасеніи заблудшихъ въ вѣрѣ. Никогда не оскудѣютъ въ Русской церкви благородные идеалисты, которые понесутъ на трудное служеніе миссіи свою вѣру и любовь, знанія и силы и всю жизнь.

Но если нѣтъ причинъ, дѣлающихъ миссію не нужной, ни невозможной, то, можетъ быть съ изданіемъ указа появились причины иного характера, по которымъ ея дѣятельность должна если не вовсе прекратиться, то, по крайней мѣрѣ, сильно затрудниться,—быть можетъ, указъ воспрещаетъ отнынѣ миссію? Но такого воспрещенія нигдѣ въ немъ нѣтъ, напротивъ въ самомъ его началѣ высказано положеніе, которое можетъ служить косвеннымъ признаніемъ и одобреніемъ миссіи. Положеніе это выражено въ словахъ Государя, что православная вѣра (въ незнающихъ ее, или въ невѣрующихъ) порождается, между прочимъ, поученіемъ. Что же иное и есть миссіонерская дѣятельность, какъ не поученіе въ разнообразныхъ ея видахъ? Оно есть главное средство, которымъ пользуется миссія для привлеченія заблудшихъ къ православной вѣрѣ. Въ этомъ-то выраженіи указа мы и видимъ одобреніе миссіи, хотя, какъ сказали, и косвенное, ибо указъ не

имѣлъ нарочитой цѣли говорить о церкви и ея отношеніяхъ къ отпадшимъ отъ нея. Изъ журнала комитета министровъ мы знаемъ, что и съ измѣненіемъ гражданскаго законодательства въ отношеніи къ отпадшимъ отъ православія за православною церковію въ Россіи, какъ церковію господствующею, попрежнему неизмѣнно должно сохраняться и на будущее время ея преимущество — привлекать себѣ послѣдователей, а слѣдовательно и свобода на проповѣдь православія между неправославными, что и составляетъ специальную задачу миссіи. И весьма понятно, что государство, выросшее подъ сѣнью православной церкви, состоящее въ большинствѣ своихъ членовъ изъ православныхъ и само считающее себя православнымъ, не можетъ воспретить ей проповѣдывать православіе среди своихъ подданныхъ, а наоборотъ должно всячески содѣйствовать и покровительствовать этой проповѣди. Запрещеніе этой проповѣди свидѣтельствовало бы или о равнодушіи государства къ истинѣ, объ его безразличномъ отношеніи къ православію, по которому оно считаетъ эту проповѣдь дѣломъ вовсе не нужнымъ и безцѣльнымъ, или же прямо о враждебномъ его отношеніи къ православію. И не дай, Боже, и помыслить, что въ Россіи когда-либо будетъ сказано православной церкви со стороны государства: не смѣй проповѣдывать Христа не знающимъ Его и прекрати свою заботу объ обращеніи тѣхъ, кого ты считаешь заблудшими!

Но предположимъ, что Русское государство запретило бы православной церкви вести ея миссіонерское дѣло. Какъ тогда поступить ей? Отвѣтъ ясный и единственный: дѣлать свое дѣло, не взирая на запрещеніе, потому что обращеніе заблудшихъ на путь истины есть заповѣдь Божія. Когда власти Иерусалимскія приказывали апостоламъ «отнюдь ни провѣщавати, ниже учити о имени Іисусовѣ», апостолы въ отвѣтъ на это запрещеніе сказали: «аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите» (Дѣян. 4, 18 —

19). Они, учившіе повиновенію властямъ, презрѣли это запрещеніе властей, потому что оно было въ противорѣчіи съ заповѣдію Божіею, и, несмотря на запрещеніе, все же проповѣдывали Христа. А если бы они послушались этой человѣческой заповѣди, то не могла бы распространиться проповѣдь о Христѣ и не устояла бы Его церковь. Примѣръ св. апостоловъ да вдохновляетъ и дѣятелей миссіи, и они никогда не должны бросать своего великаго, равноапостольнаго дѣла, хотя бы на нихъ вооружилась вся вселенная. Но будемъ молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ наше государство въ вѣрности православной церкви и не допустилъ его когда-либо вооружиться противъ нея.

Но, говорятъ, теперь старообрядцы, какъ и другіе сектанты, не станутъ ходить на бесѣды, заявляя, что они получили отъ Государя свободу. Высказывающіе эту мысль, кажется, представляютъ себѣ, что до указа посѣщеніе бесѣдъ было принудительнымъ и старообрядцы и вообще тѣ люди, съ которыми велись бесѣды, обязывались закономъ непремѣнно ходить на нихъ. Такое представленіе дѣла вовсе не вѣрно. Законъ не устанавливалъ никакой принудительности и обязательности въ этомъ дѣлѣ и не оказывалъ на старообрядцевъ и сектантовъ никакого давленія. Миссіонеры въ приглашеніи народа на бесѣды дѣйствовали на основаніи и по руководству «Правиль объ устройствѣ миссіи и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей церкви въ отношеніи къ раскольникамъ и сектантамъ», изданныхъ Св. Синодомъ въ 1888 году; но въ этихъ правилахъ и намека нѣтъ на возможность какой-либо принудительности старообрядцевъ и сектантовъ къ посѣщенію бесѣдъ. Порядокъ, соотвѣтствовавшій этимъ правиламъ, былъ таковъ: тѣмъ, или инымъ способомъ населеніе известной мѣстности оповѣщалось о миссіонерской проповѣди, лекціи или бесѣдѣ; нежелающіе изъ православныхъ и старообрядцевъ оставались дома, желающіе сходились въ назначенное мѣсто и слушали миссіо-

нера; при бесѣдахъ желающіе вступали въ собесѣдованіе съ нимъ.—Въ правтикѣ однако случалось, что разномыслящіе не только оповѣщались о миссіонерскихъ бесѣдахъ мѣстными властями, что, конечно, не противно закону, но и привлекались на нихъ этими властями иногда противъ своей воли. Но должно замѣтить, что къ подобному содѣйствію властей прибѣгали далеко не всегда и не всѣ миссіонеры; большинство же ихъ и по большей части дѣйствовало такъ, какъ и должно было дѣйствовать, и посѣщеніе миссіонерскихъ бесѣдъ предоставлялось вполне свободѣ желающихъ. И при такой свободѣ посѣщать бесѣды, которую имѣли старообрядцы и до указа, бесѣды однако происходили, и ихъ посѣщали старообрядцы. Почему же теперь, послѣ указа, они перестанутъ посѣщать ихъ? До указа свобода никому не препятствовала посѣщать миссіонерскія собранія; явно, что и послѣ указа она не можетъ стать препятствующей причиною къ такому же посѣщенію ихъ. Люди, толкующіе о свободѣ, дарованной указомъ, какъ о причинѣ, по которой должно прекратиться посѣщеніе старообрядцами этихъ собраній, очевидно, не знаютъ, какою сравнительно съ прежнимъ временемъ свободу даровалъ старообрядцамъ указъ, какъ не знаютъ и того, что относительно посѣщенія бесѣдъ старообрядцы и до указа имѣли полную свободу. Указъ, еслибъ онъ и заговорилъ о свободѣ въ этомъ отношеніи, не могъ бы внести въ жизнь и въ законы ничего новаго, ибо эта свобода была и до него. И теперь, послѣ указа, какъ и раньше, до указа, посѣщеніе старообрядцами и другими слушателями миссіонерскихъ собраній происходитъ по доброй волѣ желающихъ, также оно будетъ происходить и впередъ.

Указъ 17 апрѣля не воспрещаетъ ни миссіонерамъ продолжать свою дѣятельность, ни старообрядцамъ посѣщать устрояемыя съ миссіонерскими цѣлями народныя собранія. Причина, побуждавшая старообрядцевъ посѣщать эти собранія, остается и теперь: это глубокий

интересъ старообрядцевъ, какъ людей вѣрующихъ, къ религиознымъ вопросамъ и сомнѣніе въ законности и спасительности своего положенія въ церкви по отдѣленіи отъ нея; постоянно тревожащее ихъ сердце и заставляющее ихъ искать успокоенія своей смятенной душѣ и совѣсти, и изслѣдовать и испытывать Писаніе. А такое испытаніе и происходитъ на миссіонерскихъ бесѣдахъ. По этой причинѣ старообрядцы разныхъ сектъ всегда вели и ведутъ бесѣды не только съ представителями православной церкви, но и между собою, что бы выяснить, на какой сторонѣ истина. Что есть истина, для нихъ не пустой вопросъ и они ищутъ на него отвѣта. Миссіонерскія бесѣды и служатъ удовлетвореніемъ религиозной потребности какъ старообрядцевъ, такъ и всего участвующаго въ нихъ народа, разрѣшая этотъ вопросъ по разуму православной церкви. Мы знаемъ многочисленные случаи, когда руководители старообрядцевъ запрещали имъ посѣщеніе миссіонерскихъ бесѣдъ иногда подъ страхомъ отлученія отъ причастія, или отъ молитвы, и все же болѣе смѣлые изъ нихъ, не взирая на эту тяжкую угрозу, приходили на бесѣды. Такъ велика у нихъ жажда слышанія ихъ. И еслибы бы указъ, сдѣлаемъ невѣроятное предположеніе, даже запретилъ старообрядцамъ посѣщеніе миссіонерскихъ собраний, старообрядцы все же ходили бы на нихъ, не взирая на этотъ запретъ.

И такъ, указъ 17 апрѣля не сдѣлалъ миссіи ни ненужною, потому что и послѣ указа остались въ Россіи отступившіе отъ православія, ни нежелательною и невозможною, потому что онъ не истребилъ у членовъ церкви сознанія долга обращать заблудшихъ и ревности объ этомъ обращеніи и не поставилъ церкви какихъ-либо прямыхъ преградъ къ выполненію этого долга, и посему нѣтъ никакихъ причинъ, чтобы миссія послѣ указа прекратила свою дѣятельность.

Но мы должны сказать, что миссія послѣ указа не только можетъ попрежнему продолжать свою дѣятель-

ность, но и должна усилить ее. Раздаются голоса: теперь лжеучители, какъ тяжкіе волки, нещадно будутъ расхищать стадо Христовыхъ овецъ, не отгоняемые отъ него и не угрожаемые государствомъ, которому теперь, при свободѣ вѣры, нѣтъ дѣла до охраны церкви отъ ихъ нападений.—Опасенія эти въ значительной степени вѣрны.

Самый указъ, собственно говоря, ни чѣмъ не устраняетъ пропаганды лжеученій между православными: въ немъ нѣтъ ея прямого запрещенія. Но совершенно не правильно было бы думать, будто, не содержа запрещенія, указъ тѣмъ самымъ ее разрѣшаетъ. Указъ разрѣшаетъ только то, что въ немъ написано; а въ немъ не написано, что иновѣрцы и инославные, старообрядцы и сектанты имѣютъ право свободно пропагандировать между православными. Если за православною церковію, какъ церковію господствующею въ Россіи, должна быть сохраняема и на будущее время въ числѣ ея преимуществъ свобода привлеченія къ себѣ послѣдователей или миссіонерство, то съ такимъ ея преимуществомъ была бы совершенно несовмѣстима такая же свобода и для отпадшихъ отъ нея обществъ,—право, ставшее изъ исключительнаго общимъ, перестаетъ быть преимуществомъ. Такая свобода пропаганды между православными была бы посягательствомъ на признанную государствомъ истинность и ненарушимость православной вѣры и церкви и стояла бы въ противорѣчій съ основными законами государства. И мы видимъ, что указъ 17 апрѣля и не даетъ неправославнымъ вѣровавіямъ свободы на такую пропаганду: Въ журналѣ комитета министровъ прямо сказано, что съ пропагандистскою дѣятельностію различныхъ толковъ и сектъ, если бы таковая проявилась, должно бороться ея пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ. О таковой отвѣтственности за совращеніе православныхъ напоминаетъ и министерское разъясненіе указа, данное для руководства губернаторамъ и градоначальникамъ. Пропаганда есть нару-

шеніе не отмѣннаго указомъ закона, воспреещающаго совращеніе православныхъ, а за нарушеніе законовъ, и по 6 пункту этого указа, «виновные подвергаются установленной закономъ отвѣтственности».

Но, хотя указъ и не содержитъ разрѣшенія пропаганды раскола, а журналъ комитета министровъ и министерское разъясненіе указа ясно говорятъ объ ея преступности, однако, строго разсуждая, такой запретъ пропаганды есть лишь остатокъ вѣрности государства прежнему его взгляду на церковь и отпадшія отъ нея общества, по которому только одна церковь, какъ хранящая безспорную истину, имѣетъ право свободно проповѣдывать свое вѣроученіе между не принадлежащими къ ней лицами, а секты, какъ держащіяся заблужденій, не имѣютъ подобнаго права, и стоитъ въ противорѣчій съ новою точкою зрѣнія государства на церковь и секты, какъ на общественно-религіозныя организаціи, одинаково признаваемыя имъ за равно законныя въ государственномъ смыслѣ: если и церковь и секты одинаково законныя организаціи, то рѣшительно трудно понять, почему только одна изъ нихъ, именно церковь, имѣетъ право свободной пропаганды и почему другія организаціи, секты, не имѣютъ того же права. Точно также сохраненіе за православіемъ преимущества проповѣди или миссіонерства и запреты ихъ другимъ вѣрованіямъ логически не согласны и съ тою свободой вѣры и слова, которыя признаны указомъ 17 апрѣля и еще болѣе торжественно манифестомъ 17 октября.

Мы не знаемъ, насколько новый еще не составленный и по крайней мѣрѣ еще не обнародованный, законъ по не разрѣшеннымъ въ указѣ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, который долженъ быть составленъ особымъ совѣщаніемъ въ духѣ этихъ двухъ актовъ, будетъ послѣдователенъ; но, если онъ, какъ и старый, еще не отмѣненный, и объявить по прежнему преступность старообрядческой и сектантской пропаганды, то несомнѣнно, что сами старообрядцы, равно какъ и сектанты, сумѣ-

ють сдѣлать не только логическій, но и практическій выводъ изъ этихъ актовъ. Вѣдь извѣстно, какой большой наклонностью къ этой пропагандѣ они отличаются, особенно въ нѣкоторыхъ своихъ сектахъ, которыя и живутъ исключительно ею, такъ что онѣ давно бы преобразили свое существованіе и исчезли, если бы не приобрѣтали себѣ послѣдователей чрезъ пропаганду. Запретъ же въ законѣ этой пропаганды никогда не предотвращалъ ее въ дѣйствительности. Но если при прежней строгой отвѣтственности за пропаганду по закону, пропагандисты однако являлись и дѣйствовали, то несомнѣнно, что то же будетъ и теперь; но такъ какъ обстоятельства повернулись въ благопріятную для старообрядчества и сектантства сторону, то теперь эта пропаганда еще усилится и станетъ открытой: свобода слова и совѣсти, дарованная нынѣ всѣмъ гражданамъ Русскаго государства, всегда будетъ противопоставляема, какъ оправдывающее обстоятельство, обвиненію въ пропагандѣ, если бы оно и возникло.

Далѣе, на усиленіе пропаганды будетъ вліять и объявленная указомъ свобода отпаденія отъ православія и снятіе запретовъ со старообрядчества, которые для малообразованныхъ, какъ мы говорили, служили знаменіями того, что царское правительство не считаетъ старообрядчество за истинную вѣру; теперь эти знаменія одно за другимъ убираются; эти педагогическія мѣры найдены государствомъ не соответствующими цѣлямъ, для которыхъ они были изобрѣтены, и духу времени. Перемѣнилось отношеніе государства къ старообрядчеству и сектантству. Но не такъ скоро переименуется и народная психологія, и можетъ случиться, что отмигну запретовъ и свободу оставленія православія малообразованные поймутъ, какъ признаніе со стороны государства равноцѣнности и церкви и отпавшихъ отъ нея сектъ. А этимъ, хотя и неправильнымъ, пониманіемъ воспользуются въ свою пользу пропагандисты лжеученій.

Усиленіе же пропаганды и, какъ ея послѣдствіе, возможность расхищенія православнаго стада непременно должны заставить пастырей этого стада усилить свою бдительность о немъ. Доселѣ на помощь церкви по охранѣ ея стада приходило государство и охраняло ее всею силою своей власти, тщательно наблюдая, чтобы ереси, расколы и другія, предразсудками и невѣжествомъ порождаемыя, заблужденія не были распространяемы въ народъ (ст. 298 и 725, п. 6 Общ. учр. губ.). Теперь вся эта внѣшняя сила, которая строгостью законовъ и дѣйствіями власти отгоняла волковъ отъ православнаго стада, отказывается отъ служенія церкви. Теперь, по словамъ Русскаго первосвятителя, «волею Божіею церковь наша стала свободна отъ поддержки мірской и предоставлена своимъ только внутреннимъ силамъ въ борьбѣ съ невѣрующими, иномыслящими и всякими враждебными силами» (Церк. Вѣд. 1905 г. № 46). Учитель старообрядчества, или сектантства, соблазняющій своимъ словомъ православныхъ и привлекающій ихъ на свою сторону отъ церкви, не можетъ быть больше удаленъ изъ общества по мірскому приговору, по суду, или административнымъ порядкомъ: онъ можетъ говорить все, что ему угодно. Ранѣе сосланные за пропаганду и совращенія и вообще за религіозныя преступленія, всѣ или уже возвращены, или скоро возвратятся на мѣста, откуда они были сосланы, и не всѣ изъ нихъ, какъ Ѳедоръ Ковалевъ изъ Тирасполя, вернутся изъ тюрьмы, изъ ссылки примиренные съ православною церковію, но большинство, какъ пострадавшіе за свою вѣру, какъ ея исповѣдники, и со всѣмъ жаромъ начнутъ свою пропаганду, и слово ихъ будетъ имѣть вѣсь и значеніе. Единственная преграда, какую можно теперь поставить противъ этой пропаганды лжеучителей, есть слово же и проповѣдь православія. Теперь вся надежда на мѣры духовныя, отъ которыхъ иногда уклонялись мы, православные пастыри, въ сторону мѣръ чисто внѣшнихъ и по существу дѣла совершенно чуждыхъ нашему духов-

ному служенію. Тотъ вещественный бичъ, который государство такъ долго предоставляло на службу церкви, для отогнанія отъ нея стада тяжкихъ волковъ, оно нынѣ отнимается и пастыри церкви уже не станутъ больше обращаться къ этому бичу. Они должны отнынѣ отгонять волковъ только однимъ духовнымъ бичемъ, т. е. словомъ Божиимъ.

Несомнѣнно, что теперь пастырство должно напрячь свои силы и предаться дѣлу духовнаго просвѣщенія своихъ паствъ. Вѣдь коренной причиной успѣха толковъ и сектъ между православными, кромѣ нравственной неудовлетворенности жизнью, не согласной Евангелію, которою живетъ масса православныхъ, служитъ духовная ихъ темнота, незнаніе православной вѣры, которыя дѣлаютъ иногда возможнымъ, что убѣжденная рѣчь старообрядцевъ и сектантовъ является для нихъ дѣйствительно благовѣстіемъ, изъ котораго они и узнаютъ впервые Христа и христіанство: зная они напередъ свое православіе, истинное и настоящее христіанство, какъ должно, они не внимали бы этимъ «инымъ благовѣствованіямъ», которыя суть только «превращенія» того, перваго (Гал. 1, 6—7). И такъ, воспитаніе православной паствы въ духъ истиннаго православія сдѣлаетъ ее недоступной для вліянія на нее ни старообрядчества, ни сектантства. Пастыри должны принять всѣ мѣры къ тому, что бы ихъ овцы не только не поддавались нападающимъ на нихъ волкамъ и не дѣлались ихъ добычею, но и отражали и одолевали бы ихъ. Такое превозможеніе овцами волковъ, невозможное въ мірѣ животномъ, въ духовномъ или разумномъ мірѣ возможно: овцы духовнаго стада могутъ противостоять волкамъ, онѣ могутъ даже и самихъ волковъ превращать въ овецъ, т. е. изъ неправославныхъ, еретиковъ и раскольниковъ, дѣлать ихъ православными. Необходимо только, что бы пастыри воспитывали ихъ на папжияхъ духовныхъ настолько сильными, чтобы они, сами зная истины православія и будучи вполне православными по духу всей

своей жизни, не прельщались лжеученіями, и были способны и не знающихъ и заблуждающихся научать этимъ истинамъ и примѣромъ своего непорочнаго и добродѣтельнаго житія привлекать ихъ къ православію. Достиженіе того состоянія, чтобы православные перестали быть добычею толковъ и сектъ, должно быть первою заботою пастырей. Брѣвность и непоколебимость православныхъ въ своей вѣрѣ будетъ прочнымъ фундаментомъ для миссіонерской дѣятельности церкви. Такіе пасомые будутъ дѣятельными сотрудниками по обращенію заблудшихъ.

И опять поэтому воспитанію паствы, какъ и по обращенію отъ нея лжеучителей и по обращенію заблудшихъ, пастырству должна оказывать помощь миссія. А такъ какъ нужда во всѣхъ видахъ этой помощи, по обстоятельствамъ времени, усиливается, то и сама миссія должна быть усилена.

Потребность такого усиленія миссіи по мѣстамъ уже сознаана; напр. въ Ставропольской епархіи, по ходатайству преосвященнаго Агаѳодора, Св. Синодъ учредилъ пять новыхъ миссіонерскихъ должностей (Церк. Вѣд. 1905 г. № 41); въ Москвѣ Совѣтъ Братства св. митрополита Петра ходатайствуетъ передъ преосвященнымъ митрополитомъ Владиміромъ объ увеличеніи состава миссіи, въ Ригѣ съѣздъ духовенства рѣшилъ усилить миссіонерское дѣло. И тѣмъ печальнѣе совершенно неожиданное извѣстіе, что въ Минскѣ такой же съѣздъ постановилъ упразднить должность миссіонера (Мисс. Обзор. 1905 г. № 13).

Миссія—испытанное и вѣрное средство для воздѣйствія на старообрядчество и сектантство въ цѣляхъ примиренія ихъ съ церковію и для противодѣйствія ихъ пропагандѣ между православными. Не даромъ же Старообрядческій Вѣстникъ (1905 г. № 9), органъ самой воинственной въ старообрядествѣ окружнической Австрійской секты, настойчиво заявляетъ о необходимости уничтожить противостарообрядческую миссію. Онъ находитъ, что при существованіи ея невозможно примиреніе

старообрядцевъ съ церковію. Итакъ, церковь считаетъ миссію средствомъ для примиренія съ собой старообрядчества, для чего и учредила ее, Вѣстникъ—препятствіемъ, подлежащимъ немедленному устраненію, — взглядъ совершенно противоположный. Что бы дать ему надлежащую цѣну, необходимо знать какъ разумѣть Вѣстникъ примиреніе старообрядчества съ церковію. Узнать же это можно изъ тѣхъ условій, какія онъ считаетъ необходимыми для этого примиренія. Къ церкви онъ предъявляетъ три условія. Одно изъ нихъ уже извѣстно намъ, это—уничтоженіе миссіи, поставленное по счету вторымъ, первымъ стоитъ признаніе законности старообрядческой іерархіи и третьимъ—«обращеніе церкви къ древности какъ въ важнѣйшихъ, такъ и въ менѣ важныхъ предметахъ, съ отриновеніемъ тѣхъ несогласныхъ церковнымъ преданіямъ новшествъ, которыя волею или неволею вошли въ нее». Со стороны же старообрядчества, или собственно Австрійской ея секты, именуемой имъ церковію, Вѣстникъ ставитъ одно условіе для примиренія, это—устраненіе нѣкоторыхъ недостатковъ, изъ которыхъ главнѣйшій — лишеніе школьнаго просвѣщенія и богословскихъ наукъ, и высказываетъ надежду, что съ устраненіемъ этого недостатка эта «старообрядческая церковь» станетъ не только хранительницей христіанскихъ истинъ, но и изъяснительницей ихъ, какъ свѣтильникъ, свѣтящій во всѣ стороны. Извѣстно, что старообрядцы разумѣютъ подъ древностію и подъ новшествами. Требуя, чтобы церковь обратилась къ первой и отвергла вторыя и признала законность старообрядческой іерархіи, Вѣстникъ подъ примиреніемъ, очевидно, разумѣетъ присоединеніе церкви къ Австрійской сектѣ, иначе связать, переходъ ея въ этотъ видъ старообрядческаго раскола, не допуская при семъ примиреніи свободы исправленнаго обряда, подобной свободѣ стараго обряда, допускаемаго церковію въ ея единовѣрїи. Какимъ именно чиномъ покающаяся передъ Австрійской сектой православная церковь будетъ принята ею въ об-

щеніе, или, можетъ быть, ихъ примиреніе состоится какъ нибудь и безъ чинопріема и старообрядческая «церковь» удовлетворится однимъ отреченіемъ со стороны господствующей церкви отъ троеперстія въ честь нераздѣльной Троицы и подобныхъ новшествъ, составляющихъ сочиненную предками старообрядцевъ ересь никоніанства, это у Вѣстника не ясно.

Но примиреніе на предложенныхъ Вѣстникомъ условіяхъ, если бы оно и состоялось, было бы не примиреніемъ церкви со старообрядчествомъ во всей его совокупности, но лишь съ одной изъ его сектъ, именно съ Австрійской, (да и то, навѣрное, не со всей, а лишь— съ окружнической ея партіей, дѣятели которой издають Вѣстникъ, ибо между этой партіей и партіей противокружниковъ непримиримая вражда, которую едва ли погасить и переходъ церкви на сторону одной изъ нихъ). Вѣстнику хорошо извѣстно, что условіе примиренія, которое онъ считаетъ самымъ первымъ и важнѣйшимъ, именно признаніе со стороны церкви Австрійской іерархіи законою, для примиренія ея съ безпоповщиной и бѣглопоповщиной равно никакого значенія не имѣетъ, или, пожалуй, имѣетъ, но вовсе неблагоприятное: послѣ такого признанія они еще дальше отодвинулись бы отъ церкви, какъ допустившей, по ихъ мнѣнію, тяжкую погрѣшность, ибо извѣстно отрицательное отношеніе этихъ древнѣйшихъ въ старообрядчествѣ сектъ къ новоявленной Австрійской съ ея іерархіей.

Церковь также свое примиреніе со старообрядцами понимаетъ, какъ соединеніе съ ними, но чрезъ присоединеніе не ея къ нимъ, какъ Вѣстникъ, но ихъ къ ней. Зная, что причиной отдѣленія старообрядцевъ отъ нея было ихъ обвиненіе ея въ еретичествѣ изъ-за принятія ею новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ, она, какъ первѣйшаго условія для примиренія со стороны старообрядцевъ, требуетъ отреченія отъ этого обвиненія и признанія неповрежденности православія ея и принятыхъ ею книгъ и обрядовъ, безъ принятія и соблюденія ими

этого условія церковь не мыслить своего примиренія съ ними. Познавшимъ истину, что церковь сохранила непорочнымъ православіе, отрехшимся отъ раскола съ нею и присоединяющимся къ ней, но приверженнымъ къ старопечатнымъ книгамъ и къ старымъ обрядамъ, она по материнской снисходительности даруетъ въ единовѣрїи разрѣшеніе употреблять старые обряды и старопечатныя книги. Она не дѣлаетъ различія между многими толками старообрядчества и всѣхъ нынѣшнихъ старообрядцевъ, какъ происшедшихъ отъ единого корня давно исчезнувшаго первобытнаго старообрядчества, присоединяетъ къ себѣ одинаковымъ чиномъ, не придавая, разумѣется, этому чинопріему безусловнаго значенія, такъ какъ извѣстно изъ исторїи, что православная церковь, мѣняя иногда свой взглядъ на отпадшихъ отъ нея, сообразно съ нимъ мѣняла и чинопріемъ ихъ. Предстоящій церковный Всероссійскій соборъ, говоря отвлеченно и принципиально, вопросъ о принятїи въ православіе лицъ Австрійской іерархіи* можетъ рѣшить и иначе, чѣмъ онъ рѣшается теперешней церковной практикой. (Полемика съ достаточными основаніями лишь оправдываетъ эту практику, но ея разсужденія не все равно, что рѣшеніе собора). Понимая примиреніе съ старообрядцами, какъ присоединеніе ихъ къ себѣ, и желая этого присоединенія, церковь и учредила противостарообрядческую миссію для того, что бы она убѣждала старообрядцевъ въ ошибочности ихъ понятій о православной церкви, какъ будто бы еретической, и показывала бы имъ невозможность спастись въ ихъ сектахъ, какъ поповщинскихъ, такъ и безпоповщинскихъ одинаково.

Если бы церковь имѣла одинаковый съ Вѣстникомъ взглядъ на свое примиреніе со старообрядцами и понимала бы его, какъ свое присоединеніе къ Австрійской сектѣ, то она давно бы и безъ его совѣтовъ уничтожила институтъ противостарообрядческихъ миссіонеровъ, она даже и не стала бы его никогда учреждать. Какъ

могла бы церковь послать къ старообрядцамъ своихъ миссіонеровъ, если бы она признавала правоту раскола и сама была бы готова обратиться въ одну изъ его сектъ? Кого бы тогда и съ кѣмъ стали они примирять? Единomyсленныхъ не мирять. И читая Вѣстникъ, невольно удивляешься, зачѣмъ онъ поставилъ уничтоженіе миссіи, какъ самостоятельное условіе желаемого имъ примиренія: для перехода церкви въ окружническую секту вполне достаточно признанія ею законности Австрійскаго священства и отреченія отъ мнимыхъ новшествъ, — уничтоженіе миссіи было бы неизбѣжнымъ результатомъ выполненія этихъ двухъ условій и намѣчать его, какъ особое самостоятельное условіе, не было никакой надобности.

Весьма любопытно, что Вѣстникъ, предлагающій уничтоженіе противустарообрядческой миссіи, собственно говоря или принципиально не противъ миссіи. Это видно изъ сдѣланнаго имъ приглашенія противустарообрядческимъ миссіонерамъ, оставивъ крайне вредную, по его мнѣнію, противустарообрядческую дѣятельность, какъ производящую не примиреніе, а вражду и потому подлежащую уничтоженію, направить свои силы противъ общихъ у старообрядчества и церкви враговъ, съ которыми никогда не можетъ быть мира, противъ безбожниковъ и рационалистовъ, баптистовъ, молоканъ, лютеранъ и т. д. Явно, что Вѣстникъ признаетъ миссію противосектантскую и даже хочетъ усилить ее присоединеніемъ къ ней миссіонеровъ противустарообрядческихъ. Такимъ образомъ Вѣстникъ считаетъ прямо хорошимъ и полезнымъ не только сохраненіе, но и усиленіе церковію миссіи противъ тѣхъ сектъ, которыя и по его взгляду, какъ и по взгляду церкви, не истинныя церкви. Жаль, что, перечисляя такія секты, онъ не упомянулъ безповщины и бѣглоповщины, принадлежность которыхъ къ старообрядчеству безспорна, но которыя и Австрійская секта такъ же считаетъ, какъ и православная церковь, не истинными церквами и сама посылаетъ къ

нимъ своихъ собственныхъ миссіонеровъ, такъ называемыхъ начетчиковъ. Очевидно, что Вѣстникъ только въ интересахъ своего согласія, которое считаетъ за истинную церковь, требуетъ уничтоженія противостарообрядческой миссіи, или точнѣе—прекращенія ея дѣятельности противъ этой секты и направленія ея противъ другихъ. Всячески порицая миссіонеровъ и въ то же время совѣтуя направить ихъ противъ сектантовъ, находя противостароотрядческую ихъ дѣятельность вредною, а ихъ же противосектантскую дѣятельность полезною, забывая, что нерѣдко одни и тѣ же лица ведутъ дѣло миссіи того и другого рода и что по существу цѣлей и характеру дѣятельности оба рода миссіи одинаковы, Вѣстникъ впалъ въ самопротиворѣчіе и выдалъ свою затаенную мысль объ этой именно подлинной причинѣ, по которой онъ требуетъ уничтоженія противостарообрядческой миссіи.

Но у самой церкви и на Австрійское согласіе такой же взглядъ, какъ и на безпоповщину, бѣглоповщину, молоканство, баптизмъ и т. д., т. е. что и это согласіе, какъ и тѣ, есть отпадшая отъ истинной церкви секта, въ которой не возможно спастись, ибо спасеніе только въ истинной церкви и къ ней съ проповѣдію о спасеніи шлетъ церковь свою миссію. Нужная для сектантовъ, что признаетъ и Вѣстникъ, миссіа, съ точки зрѣнія церкви, нужна и для всѣхъ толковъ старообрядчества, что онъ также долженъ признать. Послѣ сдѣланнаго Вѣстникомъ заявленія о необходимости уничтожить противостарообрядческую миссію трудно желать лучшаго свидѣтельства о полезности этой миссіи въ дѣлѣ противодѣйствія расколу вообще, и Австрійской его сектѣ въ частности. Воинствующій на церковь и хотящій себя поставить на ея мѣсто, ничего такъ не желаетъ старообрядческой расколъ во всѣхъ его сектахъ, и особенно въ Австрійской, какъ во первыхъ уничтоженія дѣйствующей противъ него ея миссіи, значеніе которой по ослабленію его прекрасно сознано его руководителями. Вѣстникъ выразилъ это желаніе и это со-

знаніе съ достаточной ясностію и откровенностію (Ср. въ томъ же № 9 статью: О значеніи вачетчиковъ). Понятно само собою, что не въ интересахъ церкви выплывать это желаніе.

Но власть церковная должна слѣдить, но еще больше должны слѣдить за собою сами миссіонеры, что бы въ ихъ поведеніи и дѣятельности не было ничего такого, что не соотвѣтствуетъ идеѣ ихъ миротворческаго и просвѣтительнаго служенія, или даже противорѣчить этой идеѣ. Тотъ же Старообрядческій Вѣстникъ, вообще не могущій спокойно говорить о миссіонерахъ, приводитъ нѣкоторые факты, которые дѣлаютъ нѣсколько понятнымъ его озлобленіе противъ нихъ, таковы особенно (приведенные въ № 6 этого журнала) отнятіе однимъ изъ миссіонеровъ у старообрядцевъ при помощи казаковъ скита-пріюта и сожженіе въ этомъ же скитѣ вырытыхъ изъ могилъ тѣль старообрядческаго епископа и священника... «Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое» (Исаія 5, 20). И никто изъ вѣрующихъ во Евангеліе и разумѣющихъ истинный духъ и характеръ православной миссіи не станетъ оправдывать такіе нелѣпые и ужасные факты. Хотя миссіонеры тоже люди, способные, какъ и всѣ, къ ошибкамъ, но есть безспорныя положенія, какъ бы своего рода догматы, которыхъ никто изъ миссіонеровъ не долженъ преступать; и въ числѣ такихъ положеній одно изъ первыхъ, что миссіонеры не могутъ быть ни фанатиками, ни инквизиторами, такъ какъ образцомъ для нихъ должна быть безупречная и чистая дѣятельность св. апостоловъ.

Можно и даже должно разсуждать о томъ, какова должна быть миссія и всегда вообще, и послѣ указа 17 апрѣля въ частности, необходимо устранять замѣченные въ ея дѣятельности недостатки и вводить лучшіе приемы и способы этой дѣятельности, можно, если

угодно, говорить о преобразованіи миссіи; но для всѣхъ, вѣрующихъ въ истину и непорочность святой православной церкви и желающимъ обращенія къ ней погибающихъ внѣ спасительнаго ея ковчега отпадшихъ отъ нея братій нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ, ясно и несомнѣнно, что миссія, имѣющая цѣлію это обращеніе, необходима, и нѣтъ никакихъ причинъ, что бы она послѣ указа 17 апрѣля превращала свое существованіе, а есть наоборотъ причины, по которымъ дѣятельность ея должна быть усилена.

VII.

Признанное указомъ за отпадшими отъ православія право на переходъ въ старообрядчество и другія вѣрованія.

Всего неожиданнѣе и прискорбнѣе, что нѣкоторые православные понимаютъ Высочайшій указъ въ смыслѣ униженія въ немъ православной церкви;—они говорятъ: всѣмъ вѣрамъ даны въ указѣ новыя права, одна только православная церковь обойдена въ немъ милостями, если не считать за милость то, что ея собственныя чада отнынѣ могутъ свободно и безнаказанно отпадать отъ нея. Насколько основательны такія рѣчи?

«Церковь обойдена милостями». Но какія же именно изъ милостей, полученныхъ отъ Царя 17 апрѣля неправославными религиозными обществами, могла получить отъ него и православная церковь наряду съ этими обществами? Мы знаемъ, какія новыя права или милости даровалъ Государь напр. старообрядцамъ въ этотъ день, и можемъ сказать рѣшительно, что въ такихъ правахъ и милостяхъ Русская православная церковь нисколько не нуждалась. Вѣдь всѣ, дарованныя въ этотъ день старообрядцамъ и прочимъ вѣрованіямъ, права были неотъемлемою ея принадлежностію и постояннымъ достояніемъ

всегда, начиная со временъ равноапостольнаго князя Владиміра святого, и давать ей эти, уже имѣвшіяся у нея, права, конечно, не было никакой надобности. Указъ и не имѣлъ ее вовсе въ виду; онъ давалъ права лишь тѣмъ, кто раньше не имѣлъ ихъ. Подъ него подошли тѣ исповѣданія и вѣроученія, которыя въ той, или другой степени были стѣснены государствомъ: устраненіе этихъ стѣсненій и было цѣлю указа, и онъ такъ и называется указомъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ нашего государства. Если бы до 17 апрѣля и наша церковь терпѣла какія-либо стѣсненія и мы—православные не имѣли бы свободы вѣровать и молиться по велѣніямъ нашей совѣсти и вотъ теперь, когда Государь издалъ указъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, въ немъ только съ насъ однихъ не были бы сняты стѣсненія, а со всѣхъ другихъ исповѣданій и вѣрованій были бы сняты, только въ такомъ случаѣ было бы законно и справедливо жаловаться, что одна православная церковь замолчана и обойдена въ указѣ царскими милостями. Но въ дѣйствительности она никакихъ стѣсненій своей вѣры не видѣла со стороны государства и посему не нуждалась въ устраненіи этихъ не существовавшихъ стѣсненій. Искать и православную церковь въ числѣ тѣхъ религіозныхъ обществъ, на которыя должно простираться дѣйствіе Высочайшаго указа, и скорбѣть, не нашедши ее тамъ, значить думать, будто въ Русскомъ государствѣ до 17 апрѣля 1905 года и православная церковь не пользовалась полной свободой.

Но православная церковь въ Россіи не только всегда пользовалась полной свободой вѣры и богослуженія, но и была въ ней церковію господствующею. Таковою же она остается и по изданіи указа. Комитетъ министровъ, который выработалъ утвержденныя указомъ измѣненія въ отношеніяхъ государства къ неправославнымъ, выражаетъ «свое рѣшительное убѣжденіе, что измѣненіями

этими отнюдь не должно быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующую и господствующую въ Россійской имперіи вѣру христіанскую православную католическую восточнаго исповѣданія (ст. 40). Значеніе узъ, исторически скрѣпившихъ воедино судьбы государства Русскаго и православной церкви, отнюдь не должно быть умаляемо. Поэтому неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимуществва, главнымъ образомъ придающія православной церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней государя императора, свобода привлеченія послѣдователей и полученіе денежныхъ средствъ для удовлетворенія нуждъ своихъ изъ общегосударственныхъ доходовъ». И указъ не лишаетъ православную церковь ни одного изъ ея существенныхъ правъ и преимуществъ, какія даны ей Русскимъ государствомъ, какъ церкви того народа, который создалъ его, и видѣть въ указѣ какое-либо униженіе церкви совершенно не основательно.

Свободная въ своей вѣрѣ и ея исповѣданіи и проповѣданіи и потому не нуждающаяся въ дарованіи ей тѣхъ правъ, какія даны въ указѣ 17 апрѣля неправославнымъ вѣрованіямъ, и господствующая въ Россіи православная церковь однако имѣетъ много другихъ вопіющихъ нуждъ, объясняемыхъ отчасти и ея положеніемъ въ государствѣ и его отношеніемъ къ ней. Съ упованіемъ ждемъ, когда состоится для удовлетворенія этихъ нуждъ обѣщанный Государемъ въ отвѣтъ на ходатайство Св. Синода церковный Всероссійскій соборъ.

Первымъ пунктомъ указа отмѣняется преслѣдованіе за отпаденіе отъ православія, и отпадшимъ, если они достигли совершеннолѣтія, предоставляется право принадлежать къ тому вѣроученію, какое они для себя избрали и въ какое отпали отъ православія. По поводу именно этого пункта сѣтуютъ, что православная церковь пріобрѣла право безнаказаннаго отпаденія отъ нея ея членовъ. Но не ясно ли всякому, что въ этомъ

пунктъ, какъ и во всемъ вообще указѣ, и рѣчи нѣтъ о православной церкви? Говорится здѣсь не о ней, а объ отпадшихъ отъ нея лицахъ. Понятія—церковь и отпавшій отъ церкви или отступникъ—совершенно разные понятія, и нельзя ихъ смѣшивать, какъ смѣшиваютъ эти сѣтующіе люди.

Сама церковь, разумѣется, не желаетъ, чтобы кто-нибудь отпадалъ отъ нея, но она, какъ прекрасно выразился въ комитетѣ министровъ митрополитъ Антоній, не можетъ желать насильственнаго въ ней удержанія отпадшихъ отъ нея и никого не держитъ при себѣ противъ его воли и убѣжденія. Церковь слѣдуетъ заповѣди Апостола: «еретика человекѣа по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся» (Тит. 3, 10) и самого Христа: «аще же и церковь преслушаетъ (братъ твой), буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь» (Мат. 18, 17). Послушная этому голосу, она перестаетъ считать своими отпадшихъ отъ нея лицъ, но она болѣзнуетъ о нихъ и старается возвратитъ ихъ къ себѣ черезъ данныя ей отъ Господа средства. Вѣрою человекъ присоединяется къ церкви, вѣрою держится въ ней, невѣріемъ отпадаетъ, вѣрою опять можетъ присоединиться. Церковь и старается въ отпадшихъ возбудитъ вѣру. Таково прямое и ясное отношеніе церкви къ отпадшимъ отъ нея.

Какъ же до указа относилось къ отпадшимъ отъ церкви Русское государство? «Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ, такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ запрещается отступать отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую» (36 ст. Уст. пред. и прес. прест.), т. е. государство прямымъ закономъ запрещало отступленіе отъ православія, принудительно держало въ немъ всѣхъ, кто какимъ-либо образомъ однажды вступилъ въ него, и не позволяло выхода изъ него въ другія вѣры. Хотя законодательство не устанавливало дѣйствительно карательныхъ мѣръ за отпаденіе отъ православія, но оно отказывалось признать самый фактъ перехода въ другое вѣро-

ваніе, если таковой совершился, не разрѣшало тому обществу, къ которому отпадшій душой присоединился, принять его въ свои члены, а духовенству этого общества совершать для него какія-либо требы; оно предписывало отдать отпадшаго на увѣщаніе духовному начальству, не разрѣшая вопроса, что будетъ отпадшему, если увѣщаніе не подѣйствуетъ, и до какого срока оно должно продолжаться; воспрещало ему жить въ собственномъ имѣніи, населенномъ православными, а самое имѣніе, впредь до возвращенія его въ православіе повелѣвало взять въ опеку; впрочемъ, совратившіеся въ расколъ должны были увѣщаться безъ отвлеченія ихъ отъ мѣсть ихъ жительства и отъ обыкновенныхъ ихъ трудовъ и занятій; для охраны малолѣтнихъ дѣтей совратившихся отъ послѣдованія примѣру родителей законъ повелѣвалъ министерству внутреннихъ дѣлъ принимать соотвѣтствующія мѣры (ст. 38, 39, 56, 57 Уст. пред. и прес. прест.). Вотъ тѣ статьи закона, которыми опредѣлялась участь отпадшихъ отъ православія лицъ.

Правда, въ дѣйствительности, какъ всѣмъ извѣстно, были отпаденія отъ православія въ старообрядчество и другія секты и гражданскій законъ, запрещавшій эти отпаденія, почти постоянно и безнаказанно нарушался, а до суда доходило лишь ничтожное число случаевъ отпаденія. Многіе православные и не знали даже, что существовалъ такой законъ, будучи вполнѣ убѣждены, что вѣра каждаго человѣка есть дѣло его совѣсти и что держать человѣка въ православіи противъ его воли невозможно. Но если бы этотъ законъ строго исполнялся въ дѣйствительности, то отступникъ отъ православія долженъ былъ бы оставаться вовсе безъ вѣры и иногда безъ гражданскихъ правъ. Примѣръ: крестьянинъ Андрей Безруковъ родомъ православный, но онъ разувѣрился въ православіи и хочетъ вступить въ поповщинскій расколъ; православный священникъ, послѣ того, какъ Андрей заявилъ ему о своемъ невѣріи въ православную церковь, рассуждая по совѣсти, не ста-

нетъ, да и не можетъ, если бы и захотѣлъ, не желающаго и невѣрующаго въ православіе Андрея ни благословлять, ни исповѣдывать, ни причащать; раскольническій попъ, несмотря на всѣ слезныя просьбы Андрея, не смѣетъ принять его въ свою секту, боясь закона, возбраняющаго переходъ православнаго въ расколъ и совершеніе раскольникомъ требъ для природнаго православнаго. Словомъ, этотъ Андрей, если бы законъ дѣйствительно имѣлъ силу и исполнялся на самомъ дѣлѣ, былъ бы самымъ несчастнымъ въ религіозномъ смыслѣ человѣкомъ, потому что государство запрещало ему вѣровать такъ, какъ велитъ ему его совѣсть, и принудительно держало его въ православіи, требуя, что бы онъ не смѣлъ быть раскольникомъ. Конечно, не смотря на запрещеніе закона, Андрей на самомъ дѣлѣ переходилъ въ расколъ, но долженъ былъ всячески скрывать свой переходъ и выдавать себя за православнаго, чтобы не подвергнуть судебному преслѣдованію себя и присоединившаго его въ расколъ попа. Вся жизнь этого Андрея и подобныхъ ему отпадшихъ отъ православія лицъ должна была наполниться скрытностію и лицемеріемъ. Если кто изъ нихъ вступалъ въ бракъ съ дѣвицей-раскольницей и по раскольническому обряду, то долженъ былъ дѣлать это тайно и его бракъ не могъ быть записанъ въ раскольническія метрики, какъ данныя для природныхъ раскольниковъ; а не записанный, онъ долженъ былъ считаться незаконнымъ, и дѣти отъ этого брака должны были считаться незаконными дѣтьми дѣвицы, ихъ матери; если же кто хотѣлъ, чтобы его бракъ былъ законнымъ, тотъ или угоривалъ невѣсту-раскольницу лицемерно принять православіе, или же выбиралъ невѣсту православную и вѣнчался въ церкви, скрывая отъ священника о своемъ отпаденіи въ расколъ, или же, если послѣднему это было извѣстно, для брака возвращаясь въ православіе, чтобы снова затѣмъ уйдти въ расколъ. Даже умирая, такіе отпадшіе въ расколъ, но числившіеся офици-

ціально православными, нерѣдко прибѣгали къ лицемѣрїю и обману: приглашали священника и принимали отъ него напутствїе, а затѣмъ приходилъ раскольническій требоисправитель и по своему совершалъ очищенїе отъ мнимаго окверненїя, причиненнаго умирающему «христіанину» мнимымъ еретикомъ, и вторично по своему напутствовалъ. Также двойственно бывало и отпѣванїе такого человѣка: сперва на дому отпѣвали его старообрядцы, а потомъ несли его въ церковь, гдѣ снова его отпѣвали и затѣмъ погребали по православному, потому что онъ былъ, — т. е. не былъ, а писался, — православнымъ. Итакъ, не говоря уже о нравственныхъ страданїяхъ, въ которыя ставилъ законъ отпадшихъ отъ православїя лицъ, не позволяя имъ открыто и законно присоединиться къ избранной ими вѣрѣ, нужно признать, что лица эти являлись лишенными существенныхъ гражданскихъ правъ; если они поступали добросовѣстно и не лицемѣрили, то рожденїя, браки и смерти такихъ лицъ и ихъ дѣтей и всего потомства оставались большею частїю незаписанными въ метрики; они не имѣли законной семьи и лишены были твердыхъ имущественныхъ правъ. На практикѣ послѣдствїя нарушенїя закона, воспрещавшаго отпаденїе отъ православїя, не были, или не всегда были такъ суровы и тягостны, но это было, опять повторимъ, по той причинѣ, что законъ по большей части, по крайней мѣрѣ въ отношенїи къ отпадшимъ въ старообрядчество, не приѣнялся къ дѣлу, а нарушенїя его не преслѣдовались самими официальными лицами и даже правительственными учрежденїями. Такая практика ясно показывала, что законъ отжилъ свой вѣкъ.

Быть можетъ, нѣкогда, при слабомъ религіозномъ развитїи общества, этотъ законъ и былъ полезенъ для церкви, но нынѣ, когда всѣми признана свобода личности съ ея безспорными правами, когда у всѣхъ другїя понятїя, чѣмъ въ то время, порожденїемъ котораго былъ этотъ законъ, онъ оказывался не полез-

нымъ, но вреднымъ и безцѣльнымъ. Этотъ законъ стоялъ въ противорѣчїи съ общимъ принципомъ вѣротерпимости, проникающимъ основныя законоположенія Русскаго государства, и отмѣна его отвѣчала всегдашнему сердечному стремленію Государя обезпечить каждому изъ его подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. — Ограда изъ такихъ законовъ, построенная государствомъ вокругъ церкви и не выпускавшая изъ нея тѣхъ, кто однажды какъ-нибудь вступилъ въ нее, хотя бы они и не вѣровали поправославному, фактически рухнула задолго до указа 17 апрѣля: несмотря на эту ограду, уходы изъ православной церкви и отпаденія отъ православія бывали, а стѣсненія отпадшихъ въ религіозныхъ и даже гражданскихъ правахъ вносили въ ихъ сердца страшное озлобленіе противъ православія и православной церкви, которой они приписывали эти стѣсненія. Попытки поддержать эту ограду не могли имѣть успѣха, потому что сознаніе православнаго общества, особенно выразительно сказавшееся въ печати и судебныхъ приговорахъ, давно уже признавало ее негодной и безцѣльной, и указъ 17 апрѣля окончательно убралъ ее.

Права, представленныя природнымъ послѣдователямъ старообрядчества и прочихъ вѣрованій, указъ распространилъ и на лицъ, отпадшихъ въ эти вѣрованія изъ православія и бывшихъ доселѣ совершенно безправными въ религіозномъ, а иногда и въ гражданскомъ отношеніи. Не церковь, отъ которой они отпали, прїобрѣла какое-то право отпаденія отъ нея, — какъ будто можно назвать правомъ то, что не подлежитъ никакой зависимости отъ государства и есть такое же нравственное явленіе, какъ и прочіе грѣхи противъ вѣры; но именно эти отпадшія лица получили право формально присоединяться къ тѣмъ вѣрованіямъ, какія они избрали по своей совѣсти.

Впрочемъ, можно пожалуй сказать, что и церковь по сему указу прїобрѣла себѣ нѣкоторое право. Дѣло въ томъ, что

возбужденіе слѣдствія по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленія отъ вѣры христіанской должно было начинаться не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства (ст. 37 Уст. пред. ипрес. прест. и ст. 1006 Уст. угол. суд.). Вѣрно слово митрополита Антонія: эта, возлагаемая закономъ, обязанность была всегда нравственно тяжела для духовенства, потому что она противорѣчитъ духу мира и любви, положеннымъ въ основу православной церкви, которая всегда болѣзнуетъ объ отпадшихъ и для обращенія ихъ принимаетъ свои духовныя и чисто церковныя мѣры. Можно представить себѣ всю тяготу, всю мучительность состоянія духа священника, который, по силѣ сего государственнаго закона, долженъ былъ начинать судебное преслѣдованіе за отпаденіе отъ церкви и въ то же время, по духу церкви, заботиться объ обращеніи отпаднаго... Теперь, когда указъ объявилъ, что отпаденіе отъ православія уже не есть больше уголовное преступленіе, церковь и ея служители приобрѣли себѣ свободу отъ этого тягостнаго обязательства, возложеннаго на нихъ государствомъ. Итакъ, не какое-либо драгоценное право потеряла чрезъ этотъ указъ церковь, а только освободилась отъ тягостной для нея повинности. Церковь есть область вѣры и совѣсти, чисто нравственныхъ и сердечныхъ и потому свободныхъ отношеній; насиліе и принужденіе не ея мѣры, онѣ чужды самой природѣ ея. И указъ 17 апрѣля возвратилъ церковь въ ея собственную область свободнаго проповѣданія слова истины и поставилъ ее въ искреннія отношенія къ заблудшимъ и отпадшимъ отъ нея. Отмѣнѣ прежняго закона съ точки зрѣнія вѣры и церкви должно только радоваться и благодарить Царя за эту отмѣну.

Недовольные отмѣной закона, принудительно державшаго въ православіи измѣнившихъ ему, пусть отвѣтятъ себѣ на вопросъ: была ли и могла ли быть какая-либо дѣйствительная польза отъ этого закона? Не церковь вѣдь, а гражданскій законъ насильственно дер-

жалъ въ православіи лицъ хотя и крещенныхъ въ православной церкви, но не вѣрующихъ поправославному, напр. отпадшихъ въ старообрядчество, въ штунду, въ невѣріе. Развѣ эти люди дѣйствительно были православными? И какой толкъ и смыслъ писать ихъ въ документахъ православными, когда они на самомъ дѣлѣ не таковы по своей теперешней вѣрѣ? Вѣдь церкви нужна и дорога не мертвая бумага, на которой несогласно съ дѣйствительностію и, значитъ, ложно написано, что такой-то православенъ; ей нужна и дорога живая душа, дѣйствительно вѣрующая православно,—не списокъ числящихся православными, а дѣйствительное собраніе живыхъ людей, одинаково вѣрующихъ, вмѣстѣ молящихся и живущихъ одною жизнію во Христѣ. Если же человекъ, къ несчастію, пересталъ вѣрить, отпалъ отъ православія, къ чему эта неволя: хочешь—не хочешь, а будь православнымъ, не смѣй идти, куда желаешь? Пусть онъ, отпавшій, идетъ отъ насъ, если пересталъ быть единомысленъ съ нами,—вѣдь вся церковь въ единомысліи, по приглашенію діакона на литургіи: «возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы» (Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную). Пусть недовольные дарованной теперь невѣрующимъ свободой оставлять православіе отвѣтятъ себѣ еще и на другой вопросъ: сами они согласились ли бы когда-либо насильно держать въ православіи, вопреки его собственной вѣрѣ? Они, конечно, отвѣтятъ, что не согласились бы, что таковое удержаніе и невозможно психологически. Отвѣтъ правильный и единственный. Но тогда за что же собственно быть недовольнымъ указомъ и въ чемъ же тогда видно въ немъ униженіе православія? Пусть вѣра наша будетъ совершенно свободной, чтобы никто не посмѣлъ сказать православному: «ты—подневольный членъ своей церкви; еслибъ ты и захотѣлъ, ты не можешь выйти изъ нея, потому что гражданскій законъ запрещаетъ и преслѣдуетъ отпаде-

ніе отъ церкви. И что тагъ стоять за этотъ законъ? Развѣ сами мы доселѣ были православными потому лишь, что насъ держалъ въ православіи этотъ законъ? Но огромное большинство насъ, повторимъ опять, даже совершенно не знало объ его существованіи. Принадлежали же мы и принадлежимъ къ церкви по воспитанію, по преданію, по убѣжденію, что въ ней истинная, неповрежденная человѣческими заблужденіями, непорочная и святая Христова вѣра. И всякій, истинно вѣрующій въ церковь, ея членъ и сынъ счелъ бы величайшимъ для себя оскорбленіемъ одно предположеніе, что онъ содержитъ православіе только по страху отвѣтственности передъ гражданскимъ закономъ, а не по искренней, сердечной вѣрѣ и твердому убѣжденію въ его истинности и спасительности. Точно также для того, кто по искреннему убѣжденію отъ иновѣрія, или инославія, или раскола перешелъ въ православіе, было бы жестокимъ оскорбленіемъ одно предположеніе, что онъ оставилъ свою прежнюю вѣру ради тѣхъ преимуществъ, какія въ Русскомъ государствѣ давало до указа православіе. Чуткіе къ чести люди, даже вполне убѣдившись въ истинности православія, могли медлить присоединеніемъ къ нему по опасенію, что про нихъ могутъ и станутъ говорить, будто они только изъ-за выгодъ житейскихъ приняли православіе. А что возможны были переходы въ православіе, объясняемые соблазномъ этихъ выгодъ, на это едва ли потребны доказательства. Мало ли бывало лже-христіанъ изъ евреевъ, лже-православныхъ изъ старообрядцевъ, только на бумагѣ оставившихъ прежнюю вѣру и принявшихъ христіанство и православіе чисто внѣшнимъ образомъ ради житейскихъ интересовъ? Ясно, что не новый порядокъ, устанавливаемый указомъ 17 апрѣля и дѣлающій православіе свободнымъ и безкорыстнымъ состояніемъ только тѣхъ, кто дѣйствительно всѣмъ сердцемъ жслаетъ къ нему принадлежать, долженъ считаться унижительнымъ для право-

славной церкви, а скорѣе порядокъ прежній, дававшій за православіе гражданскія преимущества и насильственно державшій въ немъ отпадшихъ отъ него. Свободная, а не принужденная вѣра цѣнна у Бога и у людей. И такую вѣрою сильна церковь и только имѣющіе такую вѣру люди настоящіе ея члены. Люди же, постороннею волею обязанные числиться православными, ничего общаго не имѣютъ съ истинно-православными, свободными въ своей вѣрѣ чадами Бога и церкви, и поистинѣ въ экономіи церкви суть не живыя, но мертвыя души. Теперь съ устраненіемъ насильственнаго удержанія ихъ въ церкви, такіе невольники или рабы православія, православные только по имени, отпадутъ отъ церкви и видимымъ образомъ, какъ отпали они отъ нея еще раньше своею душею, и въ церкви останутся только тѣ, кто не по бумагѣ, не по одной метригѣ, не лицемѣрно, но и на самомъ дѣлѣ, по вѣрѣ и воистину православны. Теперь произойдетъ нѣкоторымъ образомъ свободное отдѣленіе овецъ отъ козлищъ и пшеницы отъ плевель, и православная церковь увидитъ въ своихъ спискахъ только тѣхъ, кто дѣйствительно православенъ, а не напрасно считается таковымъ, и по мѣстамъ число православныхъ уменьшится. Но это будетъ не новое отпаденіе отъ православія, а только исключеніе изъ его списковъ тѣхъ, кто уже ранѣе отпалъ отъ него. И слава Государю за то, что онъ далъ этимъ людямъ свободу идти туда, куда они хотятъ, раскрѣпостилъ ихъ совѣсть. Съ уходомъ этихъ, сердцемъ и совѣстію чуждыхъ ей людей, церковь ничего въ дѣйствительности не потеряетъ, а наоборотъ много пріобрѣтетъ, ибо сила ея, повторяемъ, не въ числѣ приписанныхъ къ ея приходамъ именъ и фамилій, а въ крѣпкой и искренней вѣрѣ ея дѣйствительныхъ, живыхъ членовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Поздравленіе старообрядцевъ съ Высочайшею милостію . . .	3
II. Смыслъ указа	7
III. Опредѣляемое указомъ положеніе старообрядцевъ въ государ- ствѣ	11
IV. Отношеніе старообрядцевъ къ правамъ, дарованнымъ имъ указомъ	25
V. Перестали-ль старообрядцы послѣ указа быть раскольниками? . . .	40
VI. Нужна ли послѣ указа миссія?	61
VII. Признанное указомъ за отпадшими отъ православія право на переходъ въ старообрядчество и другія вѣрованія	82